

Александра Фишер-Хунольд

Убийство к чаю

Эми Ферн. Девочка-детектив

Александра Фишер-Хунольд
Убийство к чаю
Серия «Эми Ферн.
Девочка-детектив», книга 1

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69798919
ISBN 978-5-04-193300-5

Аннотация

В свои 14 лет Эми Ферн не прочла ни одного детектива. Зато обожала романтические истории. И, конечно, сама была влюблена. В Финна. Ради него она даже стала брать уроки у Рубинии Редклифф, знаменитой пианистки с ужасным характером, лучшим учеником которой был Финн. Эми как раз пыталась отыскать повод заговорить с ним... когда на пляже в Бухте контрабандиста случилось трагическое происшествие. Рубиния Редклифф была найдена мёртвой! И бабушка Эми, Кларисса, обожающая загадки и детективы, сразу решила, что это убийство. Какая ужасная новость! Но ещё ужасней то, что у Финна, который как раз обнаружил тело, были и мотив, и возможность. Так получилось, Эми об этом известно. Она ни на секунду не верит, что парень, который ей дорог, мог совершить преступление. Чтобы доказать его невиновность, девочка начинает собственное расследование...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	31
Глава 4	46
Глава 5	58
Глава 6	69
Глава 7	80
Глава 8	93
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Александра Фишер-Хунольд Убийство к чаю

Alexandra Fischer-Hunold

EINE LEICHE ZUM TEE

© Ueberreuter Verlag GmbH, 2019

Иллюстрация на обложке Евгении Кобозевой
Разработка серийного дизайна Натальи Никоновой

Эми Ферн. Девочка-детектив

© Гаврюшева А. Е., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Глава 1

«Это убийство!»

Наверное, всё началось из-за этих слов моей двоюродной бабушки Клариссы. Ведь она оказалась права! В нашей сонной, словно погружённой в раздумья деревушке Эшфорд-он-Си на юго-западном побережье Англии действительно произошло убийство.

Первое более чем за восемьдесят лет. Жуть!

Но гораздо хуже убийства было то, что его совершил кто-

то из нас.

Ещё несколько недель назад я бы начала свои записи так: «Финн Пирс поцеловал меня!» И вокруг этого сенсационного заявления я нарисовала бы красное сердечко и оставила бы рядом след от поцелуя.

У меня всё ещё подгибаются колени при воспоминании о том, как Финн наклонился ко мне и прижался своими тёплыми мягкими губами к моим!

И я была так невероятно, невысказанно, восхитительно в него влюблена. Хотя сначала я думала, что страдаю от вяло текущей болезни. Симптомы: хроническое отсутствие аппетита, заикание и косноязычие, глуповатое хихиканье и синдром розового грейпфрута. С кем это случилось, знает, о чём я. Диагноз: неизлечимая влюблённость! Моя любовь к Финну была безграничной. Я даже решила брать уроки музыки у противной Рубинии Редклифф. Только чтобы подобраться к нему поближе.

Окей, это не слишком вежливо с моей стороны. О мёртвых либо хорошо, либо ничего. Но Рубиния Редклифф действительно была злой и бесчувственной снежной королевой.

Я не обладаю особыми музыкальными талантами, так что игра на пианино явно не для меня. Но шанс вдохнуть тот же воздух, которым до меня дышал Финн, стоил того, чтобы немного помучиться. Это, да ещё уверенность, что раз в неделю я смогу смотреть в его кристально-голубые глаза и

выдыхать в его сторону тихое «Привет!», прежде чем он достанет из рюкзака один из своих любимых кексов и умчится на чёрном велосипеде.

Бабушка Кларисса, конечно, знает, что я совершенно беспаланна, и боюсь, она тут же что-то заподозрила, когда я стала выпрашивать уроки музыки. Но сказала она только одно: что одобряет, когда кто-то бросает себе вызов, и никаких вопросов не задавала.

Вспоминая всё, что произошло до, во время и после празднования пятисотлетия Эшфорда-он-Си, я думаю, что мне лучше начать с пятничного вечера перед большим торжеством. Если бы я только знала, какую роль сыграет мой шоколадно-земляничный торт в случившейся трагедии, я бы однозначно не добавляла его в наш список дел.

Но я добавила торт! Поэтому, а ещё из-за происшествия, свидетельницей которого я случайно стала в тот же день (больше пока не скажу), этот вечер, наверное, можно назвать отправным пунктом, когда я, сама того не подозревая, оказалась замешана в дело об убийстве и невольно превратилась в детектива.

Итак, начнём сначала.

Поставив перед собой чашку горячего чая и целую этажерку с треугольными сэндвичами и ароматными золоти-

стыми сконами¹, бабушка сидела рядом с камином на своём любимом кресле в цветочек. Я примостилась на подлокотнике, обняла её, и мы обе склонились над «Списком дел к празднованию пятисотлетия».

За нами с интересом наблюдал кое-кто ещё: мой Перси, самый лучший терьер на свете, который, конечно, уселся между бабушкой и мной.

Маленькую дверь, ведущую из нашей чайной в розовый сад, мы распахнули настежь, и летнее солнце бросало свои лучи на стёртые доски пола. Снаружи, как и внутри, все столики были заняты. И неудивительно. Наступило время послеобеденного чая, начались школьные каникулы, к тому же на праздник в нашу деревеньку забрели несколько туристов.

– Шотландский бисквит, имбирный пирог, банановый кекс и капкейки мы уже можем вычеркнуть из списка. Как думаешь, Эми, стоит ли нам сегодня вечером испечь ещё американский чизкейк и вишнёвый крамбл²? – размышляла бабушка. Она подняла свои чёрные очки в роговой оправе и закрепила их в коротко стриженных седых волосах. – Этого должно хватить, если мы примемся за остальное завтра в пять.

– Звучит как очень хороший план. Компот из крыжовника

¹ Скон – небольшие сладкие булочки, которые традиционно подают к чаю в Шотландии и Англии. (Здесь и далее – примечания переводчика и редактора.)

² Крамбл – знаменитый английский десерт, представляющий собой фруктово-ягодную основу, посыпанную приготовленной особым способом мучной крошкой.

и яблок я уже убрала в холодильник. Если я сегодня приготовлю тесто для пирожков, то рано утром мы можем начать с них. Потом сделаем завитые шоколадно-сливочные вафли, яблочный крамбл и крыжовниковый пирог... А фруктовыми пирожными и сэндвичами мы закончим, – предложила я.

– Так и сделаем! – согласилась бабушка. Очки совершили новое путешествие и вернулись к ней на нос. Моей двоюродной бабушке семьдесят четыре года, и она очень модная и элегантная дама. При этом не брезгует порой копаться в саду в джинсах и резиновых сапогах или, одетая в комбинезон, чинить наши протекающие краны, вооружившись ящиком с инструментами.

– А я после обеда поеду в усадьбу и установлю нашу палатку, – сообщил Эндрю Кокс, ставя поднос со сконами, густыми топлёными сливками, земляничным джемом и чаем за витриной с пирогами.

– У нас будут отличные продажи! – радовался он.

До того как Эндрю в прошлом году устроился в «Маленькие сокровища», чайную моей бабушки, он работал в лондонском банке. И, как он часто повторяет, там можно было с сумасшедшей скоростью заработать безумные деньги и ещё быстрее потерять рассудок. А поскольку рассудок Эндрю хотел сохранить, год назад он распрощался с Лондоном и банком и переехал сюда. В Эшфорд-он-Си, в такую живописную глушь, что здесь нет даже устойчивого интернет-соединения. И я не шучу!

От яхтенного причала донеслись крики рабочих. Я взволнованно вскочила и попыталась разглядеть в бухте понтоны. Маленькие искусственные островки, с которых завтрашней ночью будут запускать фейерверки в честь юбилея. Я с нетерпением ждала субботы. Все придут на праздник нашего основателя и нашей деревни... и Финн тоже!

– Кларисса! Ты должна мне помочь! – С этими словами в «Маленькие сокровища» влетела Дороти Пэкс, наша деревенская художница.

Очевидно, она покинула свою мастерскую в спешке, потому что вокруг её костлявых бёдер всё ещё болтался заляпанный краской халат. Длинные, уже не очень чёрные волосы она затянула в небрежный пучок, из которого, как шпильки, торчали две кисточки.

Несмотря на то что они выглядели, как две противоположности, бабушка и Дороти были лучшими подругами. С того дня, как Дороти отправилась с масляными красками и мольбертом в Эшфордскую начальную школу и стала там новой учительницей рисования. А случилось это добрых полсотни лет назад.

Задышавшись, Дороти плюхнулась на диван в стиле королевы Анны, стоящий напротив нас.

– Мой велосипед. Мой велосипед пропал! – пропыхтела она. – Должно быть, его кто-то украл! И ведь сейчас у меня нет денег, даже чтобы купить новый насос, не говоря уж о велосипеде.

Так заведено у нас в Эшфорд-он-Си. Никто не ходил к ворчливому деревенскому сержанту Оливеру Оаксу. Если кому-то требовался совет или помощь в расследовании, за ними обращались к моей бабушке. Если я правильно помню, это началось, когда бабушка вышла на пенсию и сменила письменный стол в директорском кабинете Эшфордской начальной школы на «Маленькие сокровища». Собственная чайная всегда была её мечтой. Но, согласно моей теории, она скучала по логическому мышлению и урокам математики и поэтому заинтересовалась преступлениями. В книгах, фильмах и реальной жизни.

– Привет, Эндрю! – Дороти помахала рукой в сторону прилавка. – Можно мне, пожалуйста, чашечку чая «Эрл Грей»?

– Привет, Дороти! Конечно, сейчас принесу! – пропел Эндрю, явно находясь в добром расположении духа.

– А вот и наш сладкий Перси! – воскликнула Дороти и воодушевлённо захлопала в ладоши. Потом, кряхтя, она потянулась через стол, чтобы поприветствовать мою собаку. Только после того, как она приласкала Перси, её взгляд упал на меня. – А там, где Перси, там, конечно, и милая Эми!

– Привет, – кивнула я и погрузилась в наш список дел.

– Буду ли я права, дорогая моя Дороти, если предположу, что ты снова не пристегнула свой велосипед? – весело спросила бабушка.

Я тем временем осторожно забрала у неё ручку и припи-

сала в конце списка: «Шоколадно-земляничный торт», подчеркнув эти слова. Это было моё последнее изобретение, и я непременно хотела представить торт на празднике в честь пятисотлетия.

– Вообще-то вчера вечером я хотела ещё раз погулять с собаками, – вздохнула Дороти.

Я подняла глаза.

Тут мне стоит кое-что объяснить. Больше всего на свете Дороти любит собак. И поскольку она их очень любит, у неё их целая куча. Все они спасены с живодёрен Испании или Греции. Дороти их выхаживает и раздаёт в добрые руки, что всегда приводит к душераздирающим расставаниям. Но на следующий же день у её двери оказывается новая дрожащая собака, требующая сочувствия и любви. Я считаю, что это бесподобно, и Перси со мной согласен.

– Поэтому пристегнуть я его решила немного позже. Но потом у Диего, моего нового пса из Испании, случился понос. Бедолага. Всё ещё кожа да кости. Поэтому я совсем забыла про свой старый велосипед, – продолжала Дороти. – Мне только сейчас бросилось в глаза, что его больше нет у садовой изгороди. Пожалуйста, Кларисса, помоги мне его вернуть!

С улыбкой бабушка наклонилась и потрепала Дороти по руке, заляпанной краской.

– Сперва выпей добрую чашечку чая и дай мне подумать. Она кивнула на чайную композицию, которую Эндрю как

раз расставлял на столе перед Дороти.

– Если вы меня спросите, – заговорщически прошептала Дороти, заглядывая в чайник, чтобы проверить, надо ли чаю ещё настояться, – то велосипед стащила ведьма из дома по соседству. Просто чтобы проучить меня. Она ненавидит моих собак... и меня. А вчера ночью она и вовсе сорвалась с цепи. Всё к этому шло. Я слышала, как она ругалась. Мне жаль того, кто навлёк на себя её гнев!

Под «ведьмой по соседству» имелась в виду моя учительница музыки Рубиния Редклифф. Уже целую вечность Дороти и Рубиния вели маленькую частную войну из-за шума, который поднимали собаки. Окей, тихо они действительно не сидели, но эти бедолаги за свою короткую жизнь пережили столько несчастий и бед, что им можно было немного полаять от радости. Рубиния Редклифф – просто глупая курица!

Хотя... я ничего не имею против куриц!

При мыслях обо всех несчастных собаках, которые живут на свете, я не могла не поцеловать Перси в его мокрый нос.

Однако имя Рубинии Редклифф послужило для меня кодовым словом. Я бросила взгляд на старые песочные часы. Пора бежать. Мне нельзя было опаздывать ни на секунду. Потому что у меня на уме было кое-что важное! Очень важное! Я хотела заговорить с Финном после его урока музыки! Хотя я понятия не имела, как сделать это, не волнуясь и не вызывая подозрений. Одна только мысль об этом заставля-

ла розоветь моё лицо, мои колени превращаться в пудинг, а моё горло – в пустыню Сахара. Дело в том, что я довольно застенчива. Ненавижу обращать на себя внимание. Я одеваюсь, как все, стригусь, как все, и отношусь ко всему так, как все. Так я остаюсь невидимой и незаметной. В этом я хороша. Так хороша, что у меня почти получается сливаться с обоями, школьной доской или стеной за моей спиной.

Разговор с мальчиком подобен покорению моего лично-го Эвереста. Но в этот раз я не струшу. Как струсила последние четыре раза. Нет. Не струшу. Потому что повод был совсем не подозрительным. Не подозрительным и подходящим. Празднование пятисотлетия. Весь Эшфорд туда пойдёт. Это дело чести. Даже для Финна. Так что я просто спрошу его мимоходом, пойдёт ли... будет ли...

– Готово! – объявила бабушка с триумфом. – Нужно только сложить два и два, и велосипедный вор в наших руках!

...хочет ли он завтра вместе со мной поискать путь в лабиринте из живой изгороди, который ведёт к сокровищу в середине? Или, может, мне просто стоит пригласить его в «Маленькие сокровища»? Ведь мы, англичане, каждый день находим время на послеобеденный чай. Мы ходим в одну школу. Чайная принадлежит моей бабушке. И это просто жест вежливости – пригласить его на чашку чая или на стакан колы и сконы или... да, точно: на кусок шоколадно-земляничного торта, правда же?

– Вчера был четверг. Значит, состоялась репетиция цер-

ковного хора. А все мы знаем, где заканчиваются эти репетиции. В баре. – Как будто издалека я услышала слова бабушки.

Лабиринт из изгороди или лучше... ах, я понятия не имела, что лучше!!! Неожиданно меня точно ударил гром. А что если Финн вовсе не ходил сегодня к Рубинии Редклифф? Что если он заболел? Разочарование и облегчение устроили во мне соревнование, победителя в котором установить было не так просто.

– Дальше, Кларисса, дальше! – поторопила бабушку Дороти, делая глоток чая.

– Там льётся довольно много «Гиннеса»³. А это толкает людей на шалости. Вчера ночью меня разбудил глубокий баритон, страстно исполняющий национальный гимн, а тихие щелчки отбивали такт. Этот баритон сложно не узнать... Джеймс Холл, наш ветеринар! И если ты, дорогая Дороти, ещё не завинтила, как следует, свои брызговики, то твой велосипед стоит перед клиникой доктора Холла.

Дороти прижала ладонь ко рту.

– Кларисса, ты... умопомрачительна! – воскликнула она с изумлением. А потом Дороти бросила на столик три фунта за чай плюс чаевые и исчезла.

Как и я несколько минут спустя. В дверях я отскочила в сторону, чтобы пропустить леди Хелен Эшфорд. Она была супругой лорда Генри Эшфорда, чьему прародителю, Вилья-

³ «Гиннесс» – знаменитое ирландское пиво.

му, пятьсот лет назад король Генрих VIII (да, тот самый, с шестью жёнами) пожаловал дворянство и прекрасный кусочек земли на побережье Корнуолла. Из благодарности. Потому что Вильям Эшфорд предупредил короля о коварном заговоре. Будучи первым лордом Эшфордом, он велел возвести усадьбу Эшфорд-Хаус и деревню Эшфорд-он-Си. Поэтому все речи, концерты и чествования проводились перед этим поместьем.

– Добрый день, леди Эшфорд! – сказала я, склонив голову и так тихо, что она, наверное, не услышала. Тем не менее, она искренне улыбнулась мне и спросила:

– О, ты торопишься, Эми. Что за Ромео ждёт тебя?

Господи, как она узнала о моих планах?! Я хотела уже как можно быстрее бежать дальше, когда Перси, склонив голову и подняв хвост, оказался на моём пути. Мы с Перси неразлучны. Но есть два исключения: школа и Рубиния Редклифф. Кто вообще берёт с собой собаку к собаконенавистке? Но Перси этого, конечно, не понимал.

– Я ненадолго! – пообещала я, опустившись перед пёсиком на корточки и почесав ему подбородок, что ему очень нравится. Он поднял голову и вытянул шею. Как будто хотел сказать: *«Мне хорошо, продолжай»*.

– Пожелай мне удачи! – тихо прошептала я ему на ухо. – Сам знаешь в чём!

Перси ободряюще гавкнул, а я, глубоко вздохнув, села на свой велосипед.

Глава 2

Прежде чем свернуть на Айви-лейн (так называется улица, на которой живут Дороти и Рубиния Редклифф), я дождалась, пока моё дыхание хоть немного успокоится. Наша деревня расположена на холме, поэтому большинство улиц ведут от причала довольно круто вверх. Ехать по ним на велосипеде не так-то просто. Я быстро поправила майку и отбросила свои светлые волосы за плечи. Пока я рылась в карманах обрезанных джинсов в поисках резинки для волос (Рубиния Редклифф терпеть не могла, когда играющему на

пианино волосы падают на лицо), я не только увидела чёрный велосипед Финна, стоящий у изгороди дома Рубинии, но и услышала легко узнаваемый ноктюрн Шопена, опус 9, номер 2.

Финн! Моё сердце совершило прыжок, претендующий на мировой рекорд. Он как раз играл пьесу, с которой собирался выступить завтра на праздновании пятисотлетия. Зачарованно я уселась на изгородь и стала слушать с закрытыми глазами. Бог благословил Финна невероятным талантом, и он много работал, чтобы развить его. Пока его друзья играли в футбол, ходили в кино или просто проводили время вместе, Финн сидел дома за пианино и тренировался, тренировался, тренировался. Его родители невообразимо гордились им, а также тем, что Рубиния Редклифф хотела порекомендовать его в Королевскую академию музыки в Лондоне. Для музыканта это равносильно посвящению в рыцари – я знаю это от бабушки. Годами Финн откладывал каждый цент на обучение в Лондоне. Так рассказывал его отец, раздуваясь от гордости, каждому посетителю своего паба под названием «Отдых контрабандиста». Потому что Финн хотел только одного: играть на пианино и при этом всё время совершенствоваться.

Когда прозвучал последний аккорд, из открытого окна донёсся голос Рубинии:

– Очень хорошо, Финн, ты делаешь успехи!

– Значит, вы сегодня напишете рекомендацию в Королев-

скую академию музыки?

После вопроса Финна, полного надежды, последовала долгая пауза. Слишком долгая пауза, как мне показалось.

– Нет, Финн, не думаю.

Что? Я распахнула глаза. Она не могла так поступить!

Не скажу, что я была бы счастлива, если бы Финн действительно поступил в консерваторию в Лондоне, но это же его самая большая мечта. Кроме того, я знала, что Рубиния Редклифф уже целый год обещает ему рекомендательное письмо.

– Но... Почему? Я... Я... вас не понимаю, – пробормотал Финн дрожащим голосом.

– Ты действительно невероятно одарён, Финн. Ты амбициозен. Ты делаешь успехи. Ты занимаешься. Но ты действительно думаешь, что этого достаточно? – безжалостно проскрежетала Рубиния. – Посмотри на меня! Мне никто не помогал. Я прошла свой путь сама, и никто не открывал мне дверей в Лондонскую академию. Это был сложный тернистый путь, полный лишений. Нашпигованный разочарованиями, поражениями и грызущими сомнениями в себе. Мне пришлось многим пожертвовать, можешь поверить, такую карьеру, как у меня, не получают в подарок! И весь этот опыт важен для развития музыканта. Артист должен страдать, он должен учиться переносить разочарования, чтобы вырасти и достичь высшей степени искусства. Поэтому тебе пойдёт на пользу, если мы забудем эту историю с Академией. Не будет

ли гораздо лучше, если однажды ты сможешь поступить туда без чьей-либо помощи?

Моё сердце болезненно сжалось. Как могла эта ведьма быть такой жестокой к Финну?

– Это нечестно, миссис Редклифф. Я круглосуточно занимаюсь! – вскричал Финн, потеряв самообладание. – Миссис Редклифф, пожалуйста, вы же мне обещали!

Продолжение разговора потонуло в лае собак Дороти. Тявка и размахивая хвостами, они бесновались на соседском участке и прыгали на изгородь, чтобы поприветствовать почтальона, чей дребезжащий автомобиль дымил на всю улицу. Зажав пальцами нос, Дороти вместе с велосипедом протиснулась мимо машины.

– Милая Эми, твоя бабушка всегда права! – прокричала она сквозь шум мотора. – Мой велосипед стоял у ветеринарной клиники. Этот озорник действительно стащил его у меня.

– Здорово! – Я изо всех сил попыталась улыбнуться. Но как это могло получиться, если меня почти разрывало на части от сочувствия к бедному Финну? Наверное, странно сравнивать такие вещи, но я всё равно невольно вспомнила о шали, которую связала в прошлом году. Я хотела подарить её бабушке на Рождество, потому что она всегда легко мёрзнет. Я очень старалась и купила действительно дорогую мягкую шерсть. Не хочу хвастаться, но шаль выглядела почти, как из магазина. До того дня, когда она выпала из моей сумки в лу-

жу и по ней проехало по меньшей мере пять машин, прежде чем я успела схватить её. Она была совершенно испорчена. Всё пропало! Наверняка Финн сейчас чувствовал себя так же, как я тогда. Дмаю, даже хуже.

Неожиданно я развернулась на каблуках. Где он, собственно? Ещё в доме? Нет, его велосипеда уже не было у стены! Уехал. Как камень весом в тонну, моё сердце плюхнулось в желудок. Теперь я ещё и упустила свой шанс! Но, наверное, и момент был не очень подходящий.

Вместо него, скрестив руки на груди, за мной стояла Рубиния Редклифф. Её длинные рыжие волосы пылали на солнце, как адское пламя. О миссис Редклифф можно было говорить, что угодно, но одевалась она убийственно шикарно. Каждый день носила туфли на выских каблуках и платье мини. Сегодня она решила надеть синее со стальным отливом и цветочным узором. И выглядела она в нём действительно сногшибательно! Дьявол в ангельском обличье.

– Передать не могу, до чего меня утомили вы с вашими опасными для общества псами, миссис Пакс! В последний раз прошу вас предпринять что-нибудь против этого тьякнья, или мне придётся позаботиться об этом самостоятельно! – Её голос прорезал воздух, как хирургический скальпель – масло.

– Сказать, куда вам стоит отправиться? – фыркнула Дороти не очень-то женственно. При этом она сдула седую прядь волос с лица. – Бренчание ваших учеников тоже не достав-

ляет особенной радости!

Я охотно заткнула бы уши. Невыносимо, когда люди кричат друг на друга. Ведь обо всём можно договориться мирно. Как я считаю.

– Ваши собаки кусаются? – с тревогой вмешался почтальон.

– Кусаются – это неправильное слово. Это кровожадные твари! – злобно заявила Рубиния и отбросила волосы за спину.

У Дороти пропал дар речи. Она раскрыла рот и послала мне взгляд, полный мольбы о помощи. Но вместо того чтобы сказать, что это неправда, что хоть собаки и шумные, зато очень милые, и всё дело в самой Рубинии Редклифф, которая их не выносит, я просто опустила глаза. Знаю, это было трусливо, но ведь я и не самая храбрая девочка на свете. А в моей учительнице музыки скрывалось что-то такое, из-за чего в её присутствии я становилась крошечной мышкой, сидящей перед могущественным львом.

– Если это так, миссис Пакс, я больше не стану привозить вам почту. С завтрашнего дня забирайте её, пожалуйста, в почтовом офисе сами! – сообщил почтальон деловым тоном. Он вытащил несколько конвертов из большой чёрной сумки и протянул их обеим спорщицам. – Хорошего дня!

Качая головой, он забрался в свой фургон и подребезжал на следующую улочку.

– И чего ты ждёшь? – фыркнула Рубиния Редклифф в мою

сторону. Она прижала указательный палец к моей спине и толкнула сквозь садовую арку на узкую дорожку, посыпанную гравием, окаймлённую розовыми кустами и гортензиями. Дорожка вела к её двери. – Иди. Играй гаммы, – пробормотала она рассеянно, просматривая на ходу почту.

Я кивнула.

Дом Рубинии меньше всего похож на типичный английский коттедж. Уют? Ничего подобного! Здесь всё было современным, деловым, функциональным, серым или белым. Именно поэтому мне тут же бросились в глаза кричаще пёстрые предметы на кухонной стойке. Большое яркое керамическое блюдо, в котором лежали три деревянных слона, покрытые цветными стразами, и статуэтка Будды, выкрашенная в золотой цвет. Рядом обнаружилась открытая книга, обитая красной кожей. Она лежала страницами вниз, будто миссис Редклифф только что закончила читать. Между страниц торчали старые фотографии, карты и рисунки. Я не выдержала. Я взяла книгу в руки и осторожно перевернула.

За моей спиной стукнула входная дверь. В коридоре раздались шаги. Потом – звук рвущейся бумаги, наверное, конверта. Я бросила взгляд через плечо. Рубинию Редклифф не было видно. Не могу точно сказать, почему вдруг решила сунуть нос в эту книгу. Ведь вообще-то личная жизнь для меня – святое, и то, что это не просто книга, а очень личный дневник, тут же подсказывал небрежный почерк на пожелтевшей и покрытой пятнами бумаге.

Таиланд – прекраснейшая страна на всём белом свете, а этот остров невероятен! —

прочитала я.

Такое спокойствие. Такая свобода. Такая первозданность.

Пальмы, мангровые леса, яркие краски, кристально чистое море, белый, нетронутый пляж.

Я наткнулась на несколько родственных душ. Люди, которые так же, как и я хотели вырваться из чопорного мещанского существования. Они построили здесь, вдали от больших городов, простую жизнь в единении с природой. И свой мир они находят в учении Будды.

Они живут в простых деревянных хижинах, построенных своими руками. Они приняли меня с распростёртыми объятиями и пригласили остаться с ними и стать частью их сообщества.

Я внимательнее посмотрела на дневник. Солнце, солёная вода и ветер продубили красную обложку, сделав её ломкой. Я осторожно открыла первую страницу:

Дневник Баттерфляй Редклифф Таиланд, 196...

Там, где следом за шестёркой стояло какое-то число, теперь осталось только размытое чернильное пятно.

Баттерфляй Редклифф? Мама Рубинии Редклифф?

Я быстро пролистала дневник и остановилась на одной из

записей.

О боже, я люблю его, я люблю его, я люблю его!!!

Я без понятия, откуда он, кто он, что он делал до прибытия в Таиланд... и мне всё равно! Он такой шикарный! Мы единое целое, мы принадлежим друг другу. Здесь никто не спрашивает, откуда ты или куда собираешься. Имена, личные данные – всё это пустой звук. Здесь все становятся теми, кто они на самом деле. А Гарри просто потрясающий!!!

– Что он себе позволяет! Вот ведь фрукт! – фыркнула Рубиния неожиданно близко. – Он у меня ещё попляшет!

Я мгновенно положила дневник на место. Как раз вовремя. Потому что именно в этот миг учительница музыки ворвалась в гостиную, как ураган.

– Почему я не слышу гаммы? – резко спросила она, подходя ко мне с письмом в руке и забирая со стола свой телефон.

– Я... я...

– Ты рассматриваешь старый хлам моей матери, – сказала она и чуть опустила письмо, которое держала в руке. – Ужасная безвкусица, но она его берегла. В молодости мать была хиппи, уехала в Таиланд, чтобы расширить свой дух и найти себя, или из-за какой-то ерунды в этом роде. Тогда многие так делали. Пару недель назад она умерла в доме престарелых, и мне пришлось прибраться в её комнатах. Вообще всему этому хламу место в мусорке.

Она пожала плечами.

Я в ужасе смотрела на Рубинию. Её мама умерла. Она не упомянула об этом ни словом, и по ней ничего не было заметно... Мне на ум пришло только два слова: снежная королева!

– Я как раз хотела это сделать, – пробормотала она, ища какой-то из сохранённых телефонов в своём сотовом. – Дурацкая сентиментальность! Ну ладно, её дневник я могу хотя бы прочитать, прежде чем выбросить. Но там всё равно только романтический бред и нереалистичные девичьи идеи по изменению мира.

Значит, Баттерфляй Редклифф, по уши влюбившаяся в Таиланде, действительно была её матерью. Я незаметно покосилась на дневник. Я не хотела играть гаммы, я хотела узнать, что было дальше с великой любовью Баттерфляй.

Тут я должна кое-что объяснить. Я обожаю любовные романы!!! Так же, как моя бабушка заглатывает детективы, я взахлёб читаю все книги и смотрю все фильмы, где есть что-то про любовь. Но чтобы уж сразу всё разъяснить... Мне нравятся только истории со счастливым концом! Оба должны заполучить друг друга и быть счастливы до конца своих дней. Так я себе представляю правильную любовную историю. Поэтому я всегда сначала читаю последние страницы. Я просто таю, когда влюблённые наконец оказываются вместе. Есть ли что-нибудь лучше? Ах! А с тех пор, как в моей жизни появился Финн... ну да... Это сейчас, наверное, поймёт каждый... С тех пор в моих фантазиях у главных героев, конеч-

но, наши с ним лица. Смогу ли я когда-нибудь написать что-нибудь настолько невероятно романтическое о Финне и себе, как Баттерфляй о них с Гарри?

Что мы принадлежим друг другу и...

– Довольно болтовни. Гаммы, Эми! У меня нет особых надежд относительно тебя и пианино, но я обещала твоей бабушке достать из тебя то, чего можно добиться прилежанием и трудом. – Рубиния Редклифф грубо вырвала меня из моих мыслей.

Очевидно, она нашла нужный ей номер. Она решительно нажала на кнопку и прижала телефон к уху. При этом она поглаживала надпись на конверте. Незадолго до того, как она снова подняла его, я смогла бросить взгляд на верхнюю адресную строчку. Там стояла надпись курсивом: «Королевская академия музыки». Я тут же подумала о Финне и о подлости, которую совершила с ним Рубиния Редклифф.

– Чего ты ждёшь?

Я услышала гудки. Если бы я только была немного храбрее, то я не кусала бы губы и не проглотила бы робко всё, что хотела высказать. Но я этого не сделала, поэтому, молча кивнув и с огромным комком в горле, я направилась в сторону пианино.

– Рубиния Редклифф! – каждый слог – надрез скальпелем, сказала она в трубку и исчезла в кабинете, расположенном рядом с входной дверью. Дверь захлопнулась. Больше я ничего не слышала.

Завтра Финн накажет её за ложь и покажет всем, как он гениален за концертным роялем! А мне теперь нужен был новый план.

Глава 3

И вот наступила суббота! Наконец-то! Пунктуально, минута в минуту, бабушка и я с Перси на коленях пустились в путь в нашем грохочущем фургончике, загруженном пирогами, сконами, пирожками, чаем и ингредиентами для выпечки, в сторону Эшфорд-Хауса. Эндрю уже уехал на своей машине, потому что забарахлил один из холодильников на нашей площадке. Я счастливо вздохнула, прислонилась головой к прохладному боковому окну и стала смотреть на прекрасный летний день, расцветающий над бухтой и нашей деревней, и вспоминать свой тайный план, касающийся Финна, который я разработала вчера ночью вместе с Перси.

Я подожду удачного момента. Потом я просто заговорю с ним (просто? Пф!) и приглашу его на чашечку чая (или что

он там предпочитает) и шоколадно-земляничный торт, испечённый с дополнительной порцией любви специально для него. От одной мысли об этом моё сердце забилося, как бешеное. Я обняла Перси.

– Перси, мне действительно стоит это сделать? – прошептала я ему.

Перси точно знает, как прогонять злых духов. Он лизнул моё лицо своим шершавым языком. Это значило: «Конечно, ты справишься!»

Если я хотела перешагнуть через это дурацкое «Привет» раз в неделю, то мне больше ничего не оставалось.

В моём воображении мы с Финном уселись бы с пирогом и чаем в стороне от остальных и заговорили бы. Впервые! И Финн влюбился бы в меня с первого взгляда. О да, конечно, так и будет. Во-первых, из-за моего торта, потому что бабушка всегда говорит: «Путь к сердцу лежит через желудок!», а во-вторых, потому что сегодня я навела особенную красоту. Я сто раз прошлась щёткой по волосам, чтобы они действительно красиво блестели. Чутьочку подкрасила тушью ресницы и нанесла очень приличный слой блеска на губы.

– Парк выглядит, как голливудская декорация! – удивилась бабушка в тот момент, как в моей фантазии Финн обнял меня. Его губы были уже близко, и...

– Эми, посмотри же!

Я никогда не узнаю, поцеловал ли он меня.

– Да, здорово! – пробурчала я без воодушевления. Что бы-

ло не очень-то справедливо, потому что парк и усадьба действительно выглядели так, будто вышли из фильма по книгам Розамунды Пилчер⁴. Не поймите меня неправильно. Я очень радовалась празднованию пятисотлетия. Правда. Все эти лавки, палатки, площадки, манежи с пони и карусель, роскошная усадьба шестнадцатого века, всё это выглядело супер, но... Ну... Что я могла сказать... В моей фантазии не случилось поцелуя с Финном!

Бабушка искоса бросила на меня изучающий взгляд. Один из тех, с помощью которых она раньше выуживала признания из своих учеников. Поэтому я решила упрямо смотреть вперёд и щедро почёсывать Перси под подбородком. У бабушки однозначно возникли подозрения. Ещё бы, я же никогда раньше не красилась! Но мне совершенно не хотелось, чтобы выражение моего лица давало ей лишнее подтверждение.

– Кстати, ты сегодня очень хорошо выглядишь! – заметила она, останавливая фургон и вытаскивая ключ зажигания. – Это летнее платье тебе идёт!

Блаженны верующие. Но, о боже, лишь бы Финн тоже так решил!

Я глянула на наручные часы. Половина десятого. Через полчаса на сцене перед усадьбой начнётся концертная программа. Может, Финн уже здесь? Половина Эшфорда снова-

⁴ Розамунда Пилчер – известная английская писательница, мастер женского романа.

ла по парку, заканчивая приготовления. У палатки «Маленьких сокровищ» нас уже ждал Эндрю. Он широко ухмылялся. Очевидно, ему удалось привести холодильник в порядок.

Я глубоко вдохнула многообещающе ароматный летний воздух. Стоял прекрасный день, и он станет намного, намного лучше. Я просто знала это!

– Ты тоже так думаешь, Перси, да? – прошептала я ему заговорщически, на что пёс утвердительно гавкнул.

Что могло пойти не так? У меня же не было ни малейшего представления, как день пройдёт на самом деле. Поэтому я в отличном настроении выпрыгнула из фургона, чтобы помочь бабушке и Эндрю с разгрузкой.

– Не ёрзай! – тихо посоветовала мне бабушка.

Мы сидели в цветущем парке перед Эшфорд-Хаусом, в середине второго ряда стульев, откуда открывался хороший вид на сцену, и я просто изнемогала от напряжения. Это было хуже ожидания рождественского утра, когда тебе шесть. Тем временем церковный хор закончил своё выступление, и мэр Беннет с трудом вскарабкался по ступенькам на сцену. Он вытащил зловещего вида толстую стопку листов, обстоятельно разгладил их на кафедре, надел очки и, откашлявшись, начал торжественным голосом:

– Леди и лорд Эшфорд, дорогие жители Эшфорд-он-Си, уважаемые гости, мы собрались сегодня здесь, чтобы отпраздновать особенный день...

Чтобы хоть как-нибудь занять себя, я позволила взгляду скользнуть по фасаду величественного каменного здания. Подсчёт окон я бросила на двадцатом. Пока что мне было ясно одно: там оказалось действительно много ослепительно-чистых стёкол, в которых отражался солнечный свет. Десятки окон стояли распахнутыми настежь, и в них при малейшем дуновении ветерка танцевали белые занавески. Наверху на крыше бесчисленные каминные трубы сообщали о том, сколько комнат скрывало это здание (окей, с моего места я видела не все трубы, но я знала, что они там есть). Слишком много помещений всего лишь для двоих жильцов. У лорда и леди Эшфорд не было детей, и поскольку им обоим исполнилось больше семидесяти, вместе с ними, вероятно, однажды и прекратится род Эшфордов. Немного жаль. Пятьсот лет Эшфорды оберегали Эшфорд-Хаус, уголья и деревню. Кто знает, как долго это будет продолжаться...

Осторожно, чтобы не помешать бабушке, я повернула голову. Всё здесь, насколько хватало взгляда, каждая травинка, каждый цветок, каждое дерево, каждый куст, каждая рошица и каждый камушек гальки на аккуратных дорожках принадлежали его светлости и его жене.

Вежливые аплодисменты. Я снова обернулась к сцене.

Мэр благосклонно кивнул, складывая свою стопку листов и уступая место хозяину усадьбы. Лорд Эшфорд выглядел точно так, как представляют себе лорда. Несмотря на летнюю жару, он носил костюмы, жилетки и галстуки. Я всегда

считала, что он, со своим милым аристократичным лицом, ласковыми карими глазами и белоснежными короткими волосами, выглядел, как добросердечный дедушка. К счастью, он выражался значительно короче, чем мэр. Но его выступление включало стихотворение, которое читали четверо учеников Эшфордской начальной школы одетых в сине-красную школьную форму. Его сочинила их учительница, посвятив его семье Эшфорд и истории деревни. Ужасно скучно и ни следа рифмы.

Это была средневековая пытка!

Когда, наконец, будет выступать Финн? Перси, казалось, этот вопрос не особенно занимал. С первой же секунды он захрапел, уютно свернувшись под моим стулом.

Наконец пытка подошла к концу. Школьники вместе с учительницей ушли со сцены. Я выпрямилась. Мои руки тут же вспотели и одновременно заledenели. Моё сердце разогналось, как машина на Формуле-1, но я старалась оставаться спокойной. О боже, о боже, о боже!!! Наконец-то. С задней части сцены в середину выдвинули чёрный лакированный концертный рояль. Леди Эшфорд в элегантном бежево-белом костюме и туфлях на довольно высоких каблуках поднялась по ступеням на сцену. Каждый раз, когда я её видела, я невольно думала об Одри Хепберн. (Актриса. Прекрасна, как на картине. Самые знаменитые фильмы: «Завтрак у Тиффани», «Сабрина», «Шарада». Даже не слышали о них? Немедленно гуглить!) Леди Эшфорд была такой же

изящной и хрупкой, такой же красивой и такой же невероятно элегантной. Конечно, её волосы уже приобрели благородную седину, сохранив лишь несколько тёмных прядей.

Она одарила нас сияющей улыбкой. Сейчас она объявит Финна. Я кусала нижнюю губу и уже начала держать за него кулачки. Но только на левой руке. Правая приносит несчастье! Я отчаянно желала, чтобы Финн сегодня превзошёл себя. Чтобы дурацкой Рубинии ничего не оставалось, как порекомендовать его в Академию.

– Мой муж и я безмерно рады, представить вам...

Я вытянула голову.

– ...всемирно знаменитую Рубинию Редклифф.

Что? Я разжала кулак. Почему её? Выступление Рубинии Редклифф должно было стать кульминацией официальной части. После неё Финн точно не станет играть.

Я растерянно смотрела на леди Эшфорд.

– Рубиния Редклифф установила новые эталоны в самых знаменитых концертных домах мира, её сравнивали даже с Горовицем⁵, и она уже много, много лет является ценным членом нашего сообщества. Пожалуйста, поприветствуйте вместе со мной несравненную Рубинию Редклифф!

Аплодисменты поднялись, как прибой, но я едва слышала их. Почему отменилось выступление Финна? Этот вопрос шумел у меня в ушах и затмевал всё, игру Рубинии и благо-

⁵ Владимир Самуилович Гóровиц – советский и американский пианист. Один из величайших пианистов в истории музыки.

дарственную речь лорда Эшфорда, но потом он сказал два слова, которые заставили меня прислушаться: Финн Пирс.

– ...тоже собирался сегодня играть для нас, и нам действительно очень жаль, что он был вынужден отказаться из-за болезни. Мы желаем ему от всех нас скорейшего выздоровления.

Он заболел? Сейчас?! Вчера же он ещё казался здоровым! Это значит, значит... что он сегодня вообще не придёт. Я поникла. Мой план, мой торт, моё новое платье...

Что за невезение!

Может ли кто-нибудь представить, насколько я расстроилась?

Хуже этот день просто не мог стать. По крайней мере, я так думала. Вот дура.

– Мы послушали выступления, возвышающие душу, как музыкальные, так и стихотворные, а теперь время для удовольствий и кулинарных наслаждений. Прежде чем я объявлю открытым наш праздник, сделаю ещё одно объявление. Как всем известно, в этом году мы столкнулись с массовым размножением диких кроликов. К сожалению, кажется, большая часть этих милых грызунов объявила парк у Эшфорд-Хаус своим домом. Несмотря на то что наши садовники сделали всё, чтобы засыпать кроличьи норы, наши жильцы снова прилежно трудились всю ночь. Так что внимательно смотрите, куда вы ступаете! А теперь... наслаждайтесь нашим небольшим праздником! И не забудьте о традици-

онном перетягивании каната. Эшфорд-Хаус против деревни Эшфорд. Оно начинается в два часа, так что у всех участников будет достаточно времени, чтобы до соревнования подкрепиться в палатке мистера Пирса...

Лорд Эшфорд рассказывал что-то ещё про пьесу о своём предке Вильяме Эшфорде и про то, как Генрих VIII подарил ему из благодарности этот клочок земли, не забыв упомянуть и про фейерверк в конце праздника.

Да уж, фейерверк! Ему я тоже радовалась!

РАНЬШЕ!

Говорят, беда не приходит одна. И именно об этой поголовке мне стоило вспомнить, когда я решила, что хуже быть просто не может. Потому что из толпы вдруг донёсся женский голос, прошипевший почти по-змеиному:

– Я ненавижу тебя, Рубиния!

Рубиния Редклифф остановилась на ступеньке на полпути со сцены и осмотрелась. Наконец её взгляд остановился на ком-то. Я проследила за ним и обнаружила невзрачную, очень хрупкую женщину. По сравнению с яркой Рубинией Редклифф она выглядела, как серая мышь.

– Сара? Сара Данн? Господи боже, ты ли это? – Рубиния недоверчиво вскинула брови.

Наступила гробовая тишина. Даже чайки над морем перестали кричать.

– Угадала, – фыркнула женщина. – Можешь предполо-

жить, зачем я здесь?

– Нет. И мне это нисколько не интересно! – отрезала Рубиния и переложила прекрасный букет роз, который ей только что передал лорд Эшфорд в знак благодарности, из правой руки в левую.

– Ах, вот как. Не можешь! – Женщина прокладывала себе путь к сцене. – Я ожидаю извинений за то, что ты сделала со мной в этом интервью для канала ВВС! «Сара Данн безнадежно переоценена. Она не более чем третьеклассная виолончелистка. Я не стала бы уделять ей внимания». Ты точно знала, какой вред ты этим причинила. Одно слово великой Рубинии Редклифф может отправить музыканта на небеса или на погибель. Теперь я в аду! Никто не хочет нанимать меня. Мне поступают предложения только от незначительных провинциальных оркестров!

Сара Данн старательно боролась со слезами. Сейчас она стояла на расстоянии вытянутой руки от Рубинии, которая презрительно смотрела на неё с высоты третьей ступеньки.

– Почему ты не отвечала на мои звонки? На мои письма?!

Рубиния Редклифф невозмутимо пожала плечами.

– У меня нет времени на бездарей, Сара!

Ледяной озноб пробежал по моей спине. Там, где у других людей сердце, у неё, очевидно, был камень.

– Что за ангелочек наша славная Рубиния, – с иронией пробормотала бабушка.

Глаза Сары Данн излучали ненависть. От ярости и отчая-

ния и, наверное, ещё от разочарования её стало трясти.

– Я могла бы убить тебя, Рубиния, ты, мерзавка! – выкрикнула она, и то, как она это сделала, напугало меня.

Перси почувствовал это и ткнулся мордочкой мне в колесо: «Не переживай, я рядом и присмотрю за тобой», – сообщил он мне таким образом. Мой Перси!

– Ах, Сара! Мы же не станем сейчас желать невозможного. Даже на это ты не способна! – едко рассмеялась Рубиния.

Я знаю, это плохое чувство, но в тот момент я её ненавидела. И поделом. Ей доставляло такую извращённую радость мучить бедную женщину перед публикой, что это было действительно противно. Наверное, вчера ей доставило такое же удовольствие раздавить мечты Финна, словно жука под каблуком.

Сара Данн окончательно сломалась. Она в отчаянии прижала руки к лицу и, громко всхлипывая, побежала к палатке «Отдыха контрабандиста».

Целую вечность царило неловкое молчание. Потом по рядам пошёл нерешительный шепоток. Думаю, все вокруг были так же шокированы, как и я. Все, кроме Рубинии Редклифф. Проходя мимо, она небрежно бросила букет роз на стул и целеустремлённо направилась к одному из официантов в ливрее, который аккуратно нёс на серебряном подносе дорогие фужеры с жемчужно переливающимся шампанским. Унижение бедной женщины перед публикой только повысило ей настроение. Ведьма, снежная королева, садист-

ка!

Как только я могла быть так глупа. Неожиданно мне всё стало ясно. Финн не заболел. Конечно, нет! Это была вынужденная ложь! Он знал Рубинию Редклифф с её чёрной душой намного дольше, чем я, и поэтому отлично понимал, на что она способна. Она могла высмеять его, его талант, его мечты и надежды перед всем Эшфордом. Я повторяю: в тот миг я ненавидела Рубинию Редклифф от всей души!!!

Мы с бабушкой и Эндрю прокладывали себе дорогу сквозь толпу посетителей к нашей площадке. Перси бежал трусцой рядом, вытянув нос и взволнованно приносиваясь.

– Не думай о глупостях, мой милый! – прошептала я ему. Я точно знала, что за фильм крутился в тот момент в его собачьей голове. Его название гласило: «Перси остался один на кухне «Отдыха контрабандиста», и в этом кино шла речь о фиш энд чипс⁶, стейке, печёночном паштете и огро-о-омном ростбифе. И о Перси среди всего этого великолепия!

– Бедная женщина! – пробормотала бабушка. – В каком она отчаянии. У неё украли доброе имя музыканта, а с этим и средства к существованию. Хуже и быть не может. Как бы мне хотелось её обнять.

– Представить не могу, чтобы Рубиния позволила себе сказать такое без веских оснований, – глубоко убеждённым

⁶ Фиш энд чипс (рыба с картошкой фри) – традиционное блюдо английской кухни и популярный английский фастфуд.

тоном произнёс Эндрю. – Она же незлой человек.

Неужели он был слеп и глух? Застонав, Эндрю закатал рукава своей розовой дизайнерской рубашки.

– Ну и пекло!

– Не могу не согласиться.

Легка на помине. Эти слова принадлежали Рубинии Редклифф, плившей следом за нами. Перси тут же тихо зарычал. Мой пёс лучше разбирается в людях, чем Эндрю.

– Освежающее купание в Бухте контрабандиста. Как это... заманчиво! – пропела она шёлковым голосом и опустила ресницы.

Рубиния, как всегда, выглядела сногшибательно. Сегодня она заплела свои огненно-рыжие волосы в длинную свободную косу, на её правом плече висела дорогая дизайнерская сумочка от Прада, того же зелёного цвета, что и её глаза, вокруг шеи вился яркий жёлто-зелёный платок, а лимонно-жёлтое платье подчёркивало идеальную фигуру. Она сделала глоток шампанского, и тут мне впервые бросилось в глаза кольцо на её левом безымянном пальце. Действительно, роскошное серебряное кольцо с золотой окантовкой, в котором сверкал большой красный камень. Рубин. Я не разбираюсь в драгоценных камнях. Но бабушка – да! И она позже объяснила мне: зелёные камни называются изумрудами, синие – сапфирами, а красные... вот именно, рубинами. А то, что я приняла за серебро, по оценке бабушки, скорее было платиной. Что ещё гораздо благороднее и, конечно, дороже.

– Может быть, позже. После обеда. – Рубиния продолжала мечтать о купании в море.

– В вечернем солнечном свете после пяти там, внизу, должно быть сказочно, – сказал Эндрю, глядя на бокал Рубинии так, будто его мучила жажда. Но ведь и правда было жарко. – По крайней мере, так говорит лорд Эшфорд.

Эндрю оторвал взгляд от бокала и улыбнулся снежной королеве.

– Как счастливый владелец усадьбы мечты он, очевидно, знает это лучше всех, – заливиисто рассмеялась Рубиния.

Я не могла понять, как она в мгновение ока из подлой и жестокой превратилась в приторно ласковую. Она решительно вручила Эндрю свой пустой бокал.

– Что ж, увидимся позже. Я должна непременно попробовать торт Эми. Надеюсь, в выпечке у неё больше таланта, чем в музыке, – захихикала Рубиния, и её смех пробежался по гамме вверх и вниз.

И что сделал Эндрю, этот старый предатель? Он засмеялся в ответ.

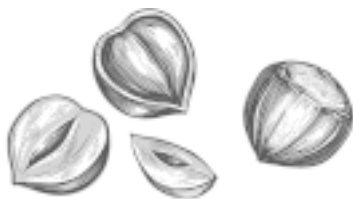
– Эми – первоклассный пекарь! – возразила бабушка с медоточивой улыбкой. При этом она бросила на Эндрю один из своих взглядов «Я непременно отмечу это в классном журнале», и тот от ужаса поперхнулся собственным смехом.

«А вы злобная ведьма! И не получите ни крошки моего торта», – хотела закричать я. Но что я сказала? Ничего! Хотя на языке вертелись и другие замечания.

– Я охотно позволю убедить себя в этом, моя дорогая миссис Ферн. Но только если в торте нет орехов! К сожалению, в моём меню может быть только такая выпечка. У меня ужасная аллергия. 6-й класс⁷. Поэтому всегда ношу с собой аптечку... – двумя пальцами она открыла защёлку дизайнерской сумочки и вытащила красный пакетик с белым крестом посередине, – ...но осторожность прежде всего!

Историю про аллергию на орехи она рассказывала всем без исключения. Хотели её слушать или нет. И я твёрдо знала, что во всём Эшфорде не было ни взрослого, ни ребёнка, который не знал бы об этой аллергии Рубинии, опасной для её жизни. Нда, и одному конкретному человеку ей не стоило об этом рассказывать. Своему убийце!

– До скорого! – попрощалась Рубиния и пошла прочь, покачивая бёдрами.

⁷ 6-й класс аллергии означает чрезвычайно высокое количество антител, острые приступы аллергии.

Глава 4

День тянулся, как жвачка. В то время как в палатке «Отдыха контрабандиста» были битком забиты все лавки, а «Гиннесс» тёк рекой, всего пара человек думала о пирогах с чаем.

Так что у меня появилось время, чтобы мне погадала Софи Кэмпбелл, жена викария, одетая, как предсказательница, и ожидавшая клиентов. Но для чего это всё? Моё будущее оказалось черным-черно, как безлунная ночь. Это я и так знала. До свидания с Финном никогда не дойдёт, потому что мой лучший шанс разрушила Рубиния Редклифф. Она виновата в том, что однажды я умру старой и одинокой.

Чтобы отвлечься от мрачных мыслей, я проверила, достаточно ли ингредиентов для выпечки мы упаковали. Гвоздём

программы мы заявили мастер-класс по выпечке для детей, который должен был начаться в 17 часов. Вышло бы, конечно, очень глупо, если бы вдруг выяснилось, что у меня закончились, например, ягоды калликарпы⁸. Я уже начала раскладывать пакетики макадамии этой кричаще-зелёной марки по производству биопродуктов с сердечками на упаковке, когда Перси сел и наострил уши. И я услышала тоже, что и он. Шорох. Неясный шум доносился из большого куста лавровишни⁹ в паре метров от нашей площадки.

– Что там, Перси? Зайчик? – тихо спросила я.

Радостное помахивание хвостом.

Однако зайчики обычно не бывают васильково-голубыми и уж точно не вырастают под метр восемьдесят... Кто же околачивается в кусте лавровишни? Я не успела это выяснить, потому что неожиданно оказалась занята по горло, оттаскивая Перси от сервировочного стола.

Обычно он очень хорошо знает, что ему можно, а что нет. Единственная проблема с терьерами – они могут быть невероятно упрямыми. Если они чего-то хотят, то добиваются этого всеми способами. А в тот момент Перси хотел рассмотреть трёх собак, которые, тяжело дыша, тянули за собой Дороти. Та, в свою очередь, с отчаянием озиралась по сторо-

⁸ Калликарпа или красивоплодник – декоративное многолетнее растение с плодами фиолетового или белого цвета.

⁹ Лавровишня лекарственная – вечнозелёное растение со съедобными плодами чёрного цвета.

нам.

– Кларисса! Эми! Эндрю! – Она храбро помахала нам, но, чтобы держать три поводка, ей нужны были обе руки.

– Ах, что ж такое... Это добром не кончится! – предсказала бабушка и приложила руку к щеке, будто её мучила зубная боль. – Дороти испытывает судьбу.

Так и вышло. Потому что её собаки направлялись, как Титаник навстречу айсбергу, прямиком к Рубинии Редклифф, стоявшей в двадцати метрах в тире и целившейся маленькими мячиками в разинутый рот ярко раскрашенного деревянного клоуна.

У собак на уме было только одно: поохотиться за летящими мячиками!

– Не тяните так, дорогие мои! – пропела Дороти с напряжённым лицом.

Собаки, не обратив на это внимания, неслись дальше. Будто почуяв опасность, угрожающую ей сзади, Рубиния неожиданно развернулась. Она моментально оценила ситуацию и последние три мяча метко бросила в сторону карусели. Собакам это пришлось очень даже по душе, они заложили крюк в девяносто градусов и сбили кричащую Дороти с ног.

– Ваши собаки хотели напасть на меня! Это могут засвидетельствовать все присутствующие! – Рубиния Редклифф, сверкая своей ярко-рыжей шевелюрой, набросилась на лежащую на земле Дороти. – Просто чтобы вы знали... вчера я написала письмо начальнику полиции, который совершенно

случайно оказался моим добрым другом. Он позаботится о том, чтобы у вас забрали этих опасных для общества тварей, и чтобы вам вообще запретили заводить собак. Совершенно невозможно жить рядом с вами и этими вонючими, твякающими беспризорными дворнягами!

С трудом поднявшись, Дороти отряхнула с платья траву, а потом бросилась за удирающими собаками.

– Они просто хотели поиграть! – задыхаясь, крикнула она через плечо. И даже для моих ушей это прозвучало довольно жалко.

– Я больше не намерена терпеть ваши жалкие оправдания, – прошипела Рубиния Редклифф вслед своей соседке, вскинув руки. При этом солнечный свет красиво блеснул в рубине на её пальце. – Скажу только одно: если начальник полиции окажется так же бесполезен, как наш деревенский сержант Оакс, и не станет ничего предпринимать, то я сама отравлю этих тварей!

Дороти мгновенно остановилась. Как в замедленной съёмке она развернулась к Рубинии. В её глазах пылал гнев, и сопела она, как бык, которому под нос сунули красную тряпку.

– Смотрите, чтобы я не отравила *вас*, Рубиния Редклифф!

В ужасе от собственных слов, она развернулась на каблучках и бросилась следом за собаками. Они тем временем потеряли интерес к мячикам, и целеустремлённо направились к «Контрабандисту». Ростбиф, фиш энд чипс... Кино для собак!

Что за день сегодня! Неужели Рубиния говорила всерьёз? Неужели она действительно хочет отравить собак? Как мог человек даже подумать о чём-то настолько отвратительном? Собаки – самые милые существа на земле. Они любят безоговорочно и не ждут в ответ ничего, кроме любви. Эта женщина действительно ужасна!

– Две смертельные угрозы за день, – пробормотала бабушка с уважением. – Если так пойдёт и дальше, Рубиния Редклифф сегодня побьёт мировой рекорд. Посмотрим. Ещё только полдень.

Ровно в два под барабанный бой началось перетягивание каната, и, хотя Рубиния принимала в нём участие, обошлось без очередной смертельной угрозы на сцене. Сразу разъясню: в этот день мировой рекорд ей побить не удалось. Хотя – существуют ли здесь вообще какие-то числа? Я имею в виду, есть ли такой раздел в Книге рекордов Гиннеса? Например, *«Мистер Смит из Эксетера получил в такой-то день столько-то смертельных угроз, и в связи с этим ему присваивается мировой рекорд»*. Такого представить я себе не могла, но кому охота – и у кого есть нормальное интернет-соединение – тот может поискать сам.

Итак, перетягивание каната прошло без смертельных угроз, но зато с противным происшествием. Сегодня вообще был не мой день.

Мне стоит ещё коротко упомянуть, что это традиционное

соревнование, в котором Эшфорд-Хаус выступает против Эшфордской деревни, сопровождается безудержным весельем. Поскольку Эшфорд-Хаус, конечно, может быть представлен совсем небольшим количеством людей, за команду усадьбы всякий раз выступает кто-нибудь из деревни. Но это никому не мешает, так как значение имеет только олимпийский дух. Вот именно! Главное – участие.

Все снимают обувь и носки, и действие начинается. Всё решается за три подхода. Та команда, которая может записать на свой счёт две победы, логичным образом побеждает. Конечно, после каждого подхода внимательно следят за тем, чтобы канат снова лежал ровно и чтобы никто не начал тянуть его до сигнального выстрела.

В первом подходе победил Эшфорд-Хаус, во втором – деревня. Так что третий подход решил бы всё. Под усердный лай болеющего за нас Перси я старалась изо всех сил, помогая команде Эшфорда-он-Си. Злость на Рубинию придала мне сил (она выступала на стороне усадьбы и получила почётное место сразу за лордом Эшфордом). Уже дважды у нас почти получилось перетащить красную отметку середины каната через границу игрового поля. В третий раз победа оказалась очень близка, но тут команда усадьбы так неожиданно и сильно дёрнула канат, что я, как Дороти, полетела вперёд, не смогла удержаться на ногах и, споткнувшись, рухнула на поле противника. В тот момент я очень, очень порадовалась, что Финн меня не видит.

Но... там были они. В двух сантиметрах от кончика моего носа. Два пальца ноги, сросшихся в один бесформенный комок. Бесформенный комок пальцев без ногтя! Очень противно!

– Я помогу тебе встать! – Лорд Эшфорд, улыбаясь, протянул мне руку. Я лежала прямо перед ним, и комок пальцев принадлежал его правой ноге. Я очень надеялась, что лорд Эшфорд не обратил внимания на моё брезгливое выражение лица, потому что я ни в коем случае не хотела его обидеть.

Я вскочила так быстро, как смогла, и снова бросилась на своё поле. Слишком поздно. Благодаря этой атаке Эшфорд-Хаус получил последнюю и решающую победу. Снова.

– Перси, озорник ты эдакий, где ты прячешься? – крикнула я, стряхивая грязь со своего красивого платья и стирая траву и песок со ступней.

Я торопливо скользнула в кроссовки. Перси, как я уже упоминала, – твёрдолобый ирландский терьер. Периодически он делает вид, что при всём желании не понимает, что я от него хочу. Тогда он вопросительно смотрит на меня своими верными глазками-пуговками, склоняет голову на бок и делает то, что ему кажется правильным. И очевидно, сейчас ему казалось правильным обнюхивать вход в лабиринт из изгородей.

– Перси, иди сюда! – снова попытала счастье я. Безрезультатно. Я только и успела увидеть, как его рыжий, как у лисы,

хвост исчез за углом.

Только не сейчас! После церемонии награждения все, как саранча, бросятся к нашей палатке, чтобы набить до отказа животы пирогами, сэндвичами и чаем. Сейчас воцарится ад. Так что я взяла ноги в руки и бросилась за Перси.

Тисы, составлявшие лабиринт Эшфорд-Хауса, были толстыми и высокими, уж точно выше двух метров. И подстригали их так ровно, будто садовники обрабатывали их маникюрными ножницами и использовали линейку. Для тех, кто ещё ни разу не оказывался в таком лабиринте, поясню: он выглядит в точности как в фильме «Гарри Поттер и кубок огня». С небольшим отличием: здесь у нас светило солнце, было тепло и совсем не так мрачно и жутко, как у Гарри Поттера.

Я помчалась по лабиринту, свернула пару раз и остановилась, как вкопанная. Засунув мордочку глубоко в изгородь и подняв переднюю лапу, моя собака, казалось, взяла чей-то след. Я медленно подошла к Перси. «Я нашла тебя!» – хотела сказать я, но тут слова застряли в моём горле. С другой стороны изгороди кто-то разговаривал.

– Ты ещё смеешь показаться мне на глаза!

Перси вытащил голову из ограды и, радостно виляя хвостом, посмотрел на меня, будто хотел сказать: «Видишь? Вот поэтому мы здесь».

– Кто это? – прошептала я и села рядом с ним на корточки.

– Миссис Редклифф, пожалуйста, я всё могу объяснить!

Кровь застыла у меня в жилах. Финн. Он всё-таки пришёл!

Дрожащими руками я осторожно раздвинула ветки. Среди зелени снова мелькнул васильково-синий цвет, который я до этого заметила в лавровишне. Толстовка Финна. Значит, это *он* прятался в кустах? Но зачем?

– Я не стану опять слушать твои лживые истории! – прошипела Рубиния. Неожиданно её голос совсем стих, я, кажется, даже дышать перестала, но всё равно могла различить только обрывки фраз:

«...подделка... зашёл слишком далеко... последствия... написала письмо в Академию... И разговор закрыт!»

– Подождите, пожалуйста. Всего одну секунду!.. Миссис Редклифф!

– Будь паинькой, Перси! – пробормотала я, и на этот раз он послушался. Мы сбежали, не попавшись. По крайней мере, я так думала. Потому что, когда я в последний раз видела Рубинию Редклифф живой (наверное, где-то между четвертью и половиной пятого), по ней было незаметно, что она о чём-то подозревает.

Я вынырнула из лабиринта как раз вовремя, чтобы изда- лека увидеть, как лорд Эшфорд, светясь от радости и представляя свою команду, принял кубок победителя из рук жены.

Мой шоколадно-земляничный торт стал бестселлером. К

счастью, я испекла их два, потому что, когда подошла очередь Рубинии Редклифф, последний кусок первого торта как раз доедал сержант Оакс, и это была уже вторая его порция.

– Я бы тоже охотно съела кусочек твоего шоколадно-земляничного торта. Все в таком восторге, – сказала Рубиния с лёгким недоверием в голосе. – Но только если там нет орехов. Эми, это важно. Вопрос жизни и смерти! – сообщила она мне и всем в очереди за её спиной. – Каждый орех может стать для меня последним. Крошечный кусочек ореха размером с пылинку может убить меня. Я уже подготовила свою аптечку... – она постучала по сумочке, – ...но судьбу лучше не искушать.

Конечно, это было не особенно вежливо, но я ограничила свой ответ коротким кивком и от всей души понадеялась, что ей бросится в глаза уничижительный взгляд, которым я одарила Эндрю. Вообще-то я как раз хотела попросить его передать мне второй шоколадно-земляничный торт из холодильника прямо за его спиной, но он уже протягивал мне его кусочек на одной из наших хорошеньких тарелок, расписанных цветочным узором.

– Я всё понял. Кусочек шоколадно-орехового торта для нашей знаменитости, – воскликнул он, лучезарно улыбаясь.

– Спасибо! – сказала я, закатила глаза и поставила тарелку на сервировочный стол. Если честно, я охотнее бросила бы ей торт в лицо. Причём весь! В качестве мести за Финна, за Сару Данн и за Дороти с её собаками. Как мог один-един-

ственный человек причинить столько горя?

От бабушки Рубиния получила чашку чая. Роясь в кошельке в поисках подходящей купюры, миссис Редклифф сказала:

– В одном я хочу вас уверить, моя дорогая миссис Ферн! Я покупаю всю выпечку только у вас, и знаете почему? Потому что я могу положиться на вашу добросовестность. Потому что я знаю, что вы готовите выпечку для аллергиков отдельно от выпечки для счастливичиков без аллергии.

– Спасибо за доверие! – ответила бабушка, приторно улыбаясь.

Расплатившись, Рубиния отправилась на поиски свободного места за длинным столом, за которым уже сидели Дороти, аптекарь Сэмюель Арчер, деревенский полицейский Оливер Оакс и ещё несколько наших односельчан. Все лакомились пирогами или сэндвичами. Если бы я тогда знала, что любая деталь, подмеченная до убийства, случившегося позднее, будет важна, я бы наблюдала за ними внимательней. А так я запомнила только странного мужчину, который в какой-то момент сел за стол прямо напротив Рубинии Редклифф и пялился на неё довольно жутким образом. При этом у меня было ощущение, что он своим поведением сознательно хотел привлечь внимание к себе и Рубинии. Мужчина бросился мне в глаза не только этим, но ещё и своим необычным внешним видом. Он выглядел так, будто только что сошёл со знаменитого портрета Генриха VIII авторства

Гольбейна¹⁰.

А потом у бедного лорда Эшфорда случилось несчастье. Он только-только купил у нас торт с чаем, как крик ужаса заставил меня взглянуть в сторону длинного стола. Его светлость лежал на земле, распростёртый, словно жук. Лицо было белым как мел, и искажённым от боли, руками он держался за правую лодыжку. Его жена уже сидела рядом с ним и вместе с Сэмюелем Арчером и викарием помогала ему встать. Вероятно, лорд так был занят тем, чтобы не пролить чай, который нёс, что не заметил одну из кроличьих нор, о которых предупреждал в своей речи.

Опираясь на свою жену, он захромал в усадьбу. Леди Эшфорд решила, что к лодыжке нужно сразу же приложить холод, прежде чем она раздуется, как дыня. И в этом она, наверное, была права.

¹⁰ Ганс Гольбейн – живописец, один из величайших немецких художников. Портрет Генриха XIII за его авторством относится к самым известным изображениям этого короля.

Глава 5

Было без нескольких минут пять, и я уже собиралась помогать с фартуками первым маленьким посетителям моего пекарского мастер-класса, когда рядом возник Эндрю и спросил, не могла бы я посматривать на нашу палатку на тот случай, если бабушке понадобится помощь. У него, мол, ужасно разболелась голова, и он хочет сходить в машину за таблетками. Головные боли Эндрю довольно быстро перерастают в мигрень. Конечно, я согласилась, и он тут же пропал в толпе.

– На помощь! Мне нужна помощь!..миссис Редклифф!
Это был Финн. Бледный как мел. Дрожащий всем телом. Как позже скажет сержант Оакс, этот крик раздался примерно без четверти шесть. Финн, спотыкаясь, бежал к нам через лужайку.

– В Бухте контрабандиста! Она просто лежит там, – задыхаясь, бестолково бормотал он хриплым голосом. – Глаза открыты, но она, кажется, ничего не видит. И не отвечает. Я думаю... она... умерла!

Нам понадобилась пара секунд, чтобы понять, что он сказал. Диана Белэми, руководительница детского сада, я думаю, была первой, кто отреагировал. Тонко вскрикнув, она бросилась к моим маленьким пекарям и собрала их вокруг себя, как курица цыплят. Миллисекунду спустя началась буря. Все вскочили и помчались в сторону Бухты контрабандиста. Через лужайку к скале, а потом по крутой, извивающейся тропинке меж деревьев и кустов вниз к бухте.

Когда я увидела её, у меня перехватило дыхание. Рубиния Редклифф безжизненно лежала на песке. Её волосы светились, как красные водоросли. Жёлто-зелёный шарф трепетал вокруг шеи.

Сержант Оакс, кряхтя, встал на колени рядом с ней на песок и приложил два пальца к её загорелой шее, чтобы проверить пульс. Спустя пару секунд он поднял взгляд и покачал головой. Потом он закрыл её застывшие глаза. Она была мертва.

Замерший, как соляной столб, рядом со мной стоял Финн. Несмотря на толстовку, он обхватил себя руками так, будто сильно замёрз.

Вся эта сцена казалась нереальной. Я чувствовала себя, как зритель в кино или театре. Ещё никогда в своей жизни

я не видела настоящий труп.

Рубиния Редклифф умерла? Ерунда, сейчас она снова встанет и будет хохотать над тем, что мы поверили в её злую шутку. Это было бы в её духе. Где-то за мной тихо всхлипнула женщина, в остальном царил смущённая тишина.

Набегали волны, покрытые шапками пены, прилив отто-вывал окружённую скалами Бухту контрабандиста, покинутую несколько часов назад во время отлива. У причала, немного выдающегося в море, на волнах танцевала парусная яхта лорда Эшфорда. «Золотая лань».

Смерть, вода, яхта. Я неожиданно начала дрожать. И ничего не могла с этим поделать. Бабушка поняла это и успокаивающе обняла меня.

– Пойдём, Эми, мы уходим!

Меня напугал не только труп, но и воспоминания о родителях, которых я не очень хорошо помню, и о несчастном случае, произошедшем с ними на яхте. Где-то там, в водах Атлантики, сейчас таких мирных и голубых, именно перед этим живописным берегом, они погибли самым трагическим образом. Оставив меня с бабушкой, они отправились бороздить море на своей парусной яхте в такую ясную погоду, как в книжке с картинками. Они отмечали пятую годовщину свадьбы... стоял невероятно прекрасный день... пока не начался шторм. Никто не ожидал его. Не поступило никакого предупреждения от метеослужбы или береговой охраны. У яхты родителей в бушующем море не оставалось ни шан-

са, и она перевернулась. Помощь пришла слишком поздно. Только несколько недель спустя их тела вынесло на берег. Я всего этого, конечно, не помню, это рассказала мне бабушка. Тогда мне было три года.

С тех пор я ненавижу море. Я не плаваю, не хожу под парусом, не делаю ничего из того, чем охотно занимаются летом мои друзья. Для меня море – значит смерть. Я панически его боюсь.

Я молча кивнула и позволила бабушке увести себя прочь. Пройдя пару шагов, мы оказались перед двумя валунами, которые море за сотни лет вымыло из скалы. Тот, что был больше, очевидно, служил Рубинии Редклифф столом – на нём стояли полупустая чашка чая и тарелка с цветочками, которую я передала ей сегодня днём. Рубиния съела мой торт до последней крошки.

«Значит, я всё же пеку лучше, чем играю на пианино», – горько подумала я.

В песке рядом с валуном поменьше лежала её дизайнерская сумочка. Расчёска, зеркальце, чёрный кошелёк, упаковка бумажных платочков и, кажется, связка ключей были разбросаны вокруг.

– Есть ли у вас идеи... Ну, что могло стать причиной смерти? – позади меня спросила Софи Кэмпбелл с плохо скрытым любопытством.

Бабушка наклонилась к сумочке, подняла её и заглянула внутрь.

– Пусто, – прошептала она. Неожиданно она сморщила лоб и засунула нос в сумочку. – Что это?..

– Причина смерти кажется мне более чем очевидной! – Ликующий ответ сержанта Оакса заставил меня повернуться к нему.

Он с трудом поднялся с колен и показал пальцем на шарф Рубинии Редклифф. Все с любопытством склонились ниже.

– Задушена? – предположила бабушка со знанием дела. При этом она как можно незаметнее спрятала в карман своей юбки что-то, похожее на клочок бумаги. Как бы то ни было, я всё равно обратила на это внимание.

Сержант Оакс покачал головой.

– В складках шарфа, – пояснил он. – Вон... видите?

– Крошки кекса? – предположила Мередит Дикинсон, наш деревенский бухгалтер, стоявшая ближе всех.

– Самая очевидная подсказка к причине смерти, – подтвердил сержант Оакс, кивая головой, прежде чем снова вытянуть палец и показать на этот раз на красно-зелёный целлофановый пакетик в клеточку, который лежал в водорослях в паре метров от миссис Редклифф. На упаковке блестело изображение солдата охраны лондонского Тауэра, на чьём плече сидел чёрный ворон. Ниже было написано «Сказочное печенье, Лондон». Рядом с упаковкой лежало его разбухшее содержимое.

Я невольно повернулась к Финну. Наши взгляды встретились. Но только на долю секунды. Потом Финн отвернул-

ся. Вообще-то эта необычная упаковка была мне знакома. Я мысленно совершила прыжок в прошлое. На наш школьный двор, примерно шесть недель назад. Финн стоял под старым дубом, уплетая печенье из точно такого же пакетика, и с восторгом рассказывал своим друзьям, что нашёл в Лондоне маленький магазинчик с вкуснейшей выпечкой и теперь это его любимое лакомство. Я, оказавшаяся поблизости совсем не случайно, смотрела в качестве алиби в свой телефон и, разумеется, слышала каждое слово.

Наш толстый деревенский сержант тяжело прошёл по набегающим волнам к упаковке печенья, поднял её и поднёс к своим близоруким глазам.

– Ни единого указания о составе. Как я и думал.

Все напряжённо наблюдали, как он нагнулся к кашнице из печенья и стал ковыряться в ней. К счастью, он тем временем надел очки, иначе точно не заметил бы свою сенсационную находку: крошечный кусочек рубленого фундука. С триумфом он поднял его, держа между пальцами.

– Было установлено следующее. – Чтобы насладиться моментом своего триумфа, он сделал паузу дольше, чем требовалось. – Рубиния Редклифф купила в Лондоне печенье. Как мы знаем, она очень настойчиво обращает внимание продавцов на то, что товар не должен содержать орехи. Вероятно, этому продавцу случайно попалась упаковка печенья с фундуком, или он попросту не имел понятия о составе продуктов, которые продавал. Сегодня нанимают столько необучен-

ных работников! Предполагая, что печенье для неё не опасно, миссис Редклифф съела одно из них. Отсюда крошки на шарфе. Когда она заметила фундук, было уже слишком поздно. Трагическая случайность!

Толпа любопытных приглушённо зашепталась. Некоторые даже поаплодировали.

Сержант Оакс поднял руки в защитном жесте.

– Народ, я просто делаю свою работу! Ничего особенного!

При этом он улыбался от уха до уха.

Только бабушка не сказала ни слова и с отсутствующим видом поглаживала ладонью карман своей юбки. Оглядываясь назад, я понимаю, что ещё тогда мне должно было броситься в глаза: её молчание почти кричало о том, что она не согласна.

– Здесь больше не на что смотреть, – крикнул сержант Оакс, чувствуя себя хозяином положения. Будто один из топ-следователей в «C.S.I.¹¹», он подчёркнуто небрежно достал сотовый из кармана куртки. Но, увы, всю крутую сцену ему испортила плохая связь.

– Может ли кто-то позвонить из усадьбы и вызвать катафалк? И... – он вытянул шею... – его светлость здесь?

Лорда Эшфорда видно не было. Так же, как и его жены.

Сержант Оакс напряг плечи и проворчал:

– Тогда, вероятно, я должен проинформировать его об

¹¹ «C.S.I.: Место преступления» – американский телесериал о работе сотрудников криминалистической лаборатории Лас-Вегаса.

этом трагическом несчастном случае. Не особенно приятная задача. Совсем не приятная задача!

Наступил вечер. Тёплый летний бриз, шурша, пробежал по листьям пальм, прежде чем пробраться сквозь садовую дверь в нашу чайную. Мы вернулись уже некоторое время назад. Никто из нас не заговорил, пока мы разбирали корзины с использованной посудой и столовыми приборами, ингредиентами для выпечки и прочим скрабом. Бабушка, Эндрю и я, все трое, были погружены в свои мысли. Перси улёгся на любимое кресло бабушки и захрапел.

Я остановилась с тарелкой с пирогом в одной руке и кухонным полотенцем в другой и выглянула в бухту. Завтра рабочие отташат понтоны и снимут приспособления для несостоявшихся фейерверков.

Конечно, лорд Эшфорд, как только узнал о трагическом происшествии, прервал праздник. Даже несмотря на то что Рубиния не была самой любимой жительницей нашей деревни... Неожиданная смерть остаётся неожиданной смертью.

– Готово, – объявила бабушка, толчком закрывая посудомоечную машину и включая её. – Теперь я заварю крепкого чаю. Он, думаю, срочно нужен всем нам.

Вода с шумом потекла в водяной котёл.

– Мне не нужно, Кларисса, спасибо! – отклонил предложение Эндрю. – Я поеду домой.

Вздохнув, он провёл рукой по лицу. Как он всегда делал,

когда у него сильно болела голова.

Поскольку этот жест напомнил мне о нашем с ним вечернем разговоре, я спросила:

– Таблетка не помогла?

Ух ты! Честно, если бы взгляды могли убивать, то я сейчас не сидела бы здесь и не могла бы написать ни строчки. Таким я его ещё не видела. Пожав плечами, я попыталась объяснить:

– У тебя сильно разболелась голова. Поэтому мне нужно было присмотреть за площадкой, чтобы ты мог дойти до машины, чтобы...

Эндрю сердито потряс головой и схватил со стойки кошелёк и связку ключей. Коротко бросив «До завтра!», он так резко распахнул дверь, что колокольчики испуганно затрещали.

Ошарашенно я смотрела ему вслед. Недружелюбность была совсем не в духе Эндрю. Снаружи зарычал мотор его «Ягуара», зажглись фары и замигал правый поворотник. Потом машина уехала. И куда он так торопился? Эндрю жил не так уж далеко. В Эшфорд-он-Си всё расположено поблизости. Кроме усадьбы, наверное. Но Эндрю нужно было только съехать вниз по Харбор-роуд, повернуть направо у полицейского участка, а потом проехать по узкой неровной дорожке к скалам. И вот он: маяк. Эндрю купил его, прежде чем перебраться в Эшфорд-он-Си, полностью реконструировав и обставив его, как корабль. Рынду, деревянный штур-

вал, компас и даже корабельную пушку – всё настоящее – он приобрёл на аукционе «Сотбис». Кроватями служили настоящие корабельные койки, а наверху, в гостиной, рядом с уже названным штурвалом находилась впечатляющая подзорная труба, которая сделала бы честь Джеку Воробью.

Я уютно свернулась рядом с Перси на кресле с цветочками и благодарно взяла протянутую бабушкой чашку с горячим чаем.

– Тебе правда лучше? – обеспокоенно осведомилась она, опускаясь напротив меня на диван в стиле королевы Анны.

– Да. Все хорошо, – подтвердила я в сотый раз.

Перси, перебравшийся мне на колени, в полусне лизал мою руку.

– Хорошо! – Задумчиво бабушка подула на пар, поднимавшийся с её чашки.

Сейчас я уже могу представить, что тогда творилось в её голове. Но в тот момент я не особенно об этом думала. Потому что была слишком занята собой. И Финном. Ему, наверное, было так плохо! Я имею в виду, только представьте себе! Идёшь себе, ничего не подозревая, по бухте и неожиданно спотыкаешься о труп. Да ещё человека, которого ты знал.

Кошмар! И что я сделала? Я даже не спросила его, могу ли я чем-то ему помочь. Но...

Мне почти стыдно признаваться в этом, но боюсь, в тот момент на моём лице расплылась довольно широкая улыбка.

ка. Потому что мне на ум пришло чудесное осознание. Как тёплый солнечный луч морозным утром. Принимая во внимание последние события, я в любое время могу задать ему логичный вопрос «Привет, Финн, как ты?», и это будет абсолютно неподозрительный повод для начала общения.

Я очень радовалась, что несколько недель назад догадалась сфотографировать список телефонных номеров учеников Рубинии Редклифф, который висел на внутренней стороне её шкафа с нотами!

Делало ли это меня плохим человеком? Я имею в виду мою идею использовать смерть Рубинии как повод для общения с Финном. У меня и сейчас ощущение, что тогда я поступила дурно. По меньшей мере, неуважительно.

Глава 6

– Привет, Кларисса! Привет, Эми! – Дверь с треском распахнулась, и в комнату, будто ведьмы из «Макбета», влетели Дороти Пакс, Софи Кэмпбелл, Мередит Дикинсон, Калинда Беннетт и Лидия Скотт.

Сейчас мне стоит кое-что объяснить.

Нет, не про Шекспира, а про дам. Вместе они составляли «Эшфордский клуб преступлений и убийств» под председательством моей бабушки. И нет, это было не общество пре-

ступников и убийц, а супербезобидный литературный клуб, увлекавшийся исключительно детективами и собиравшийся каждый первый вторник месяца с восьми часов вечера в «Маленьких сокровищах».

Сказать честно? В такие дни я довольно рано пряталась в свою комнату под крышей. Просто не хотела слушать о смерти и убийствах, даже о вымышленных.

Но вернёмся к дамам. Кто-то из них опустился на диван слева и справа от бабушки, кто-то подтащил стулья и кресла. И всё это несмотря на то что первый вторник месяца ещё не наступил. Но смерть, случившаяся в нашей деревне, очевидно, заставила их сделать исключение.

Нашу деревенскую художницу и любительницу собак Дороти Пакс я уже представила. Думаю, только она из всех дам читала не особенно охотно. Она приходила на встречи скорее потому, что они были очень уютными, бабушка предлагала вкусные блюда, и здесь много сплетничали.

Софи Кэмпбелл, супруга нашего vicария, была мамой двух малышей и самым кровожадным членом клуба из всех. Для неё меж страниц всегда текло слишком мало крови.

Отвратительно!

Мерedit Дикинсон (правильно, та самая, которая сегодня подтвердила находку сержанта Оакса – крошки в шейном платке Рубинии Редклифф) владела маленькой книжной лавкой прямо напротив «Маленьких сокровищ». Она

слыла большой фанаткой книг Дафны Дюморье¹², хотя, конечно, их было сложно назвать детективами в классическом смысле этого слова. Но Мередит всё равно считала её книги увлекательными, к тому же писательница жила не так далеко отсюда.

Калинда Беннетт была парикмахером и полной противоположностью своего брата, нашего крайне серьёзного и смертельно скучного мэра. Она глотала не только детективы, но, как комбайн, прошла по всем классикам мировой литературы. Бабушка считала её лучшей клиенткой книжной лавки Мередит.

И последняя в компании – Лидия Скотт, хозяйка магазинчика, где продавалась всякая всячина. Не важно, убиралась ли она на полках или сидела в белом рабочем халате за кассой – её нос всегда был глубоко в книге. До прошлого декабря она хранила верность детективам. Но однажды, будучи у себя в лавке, она прочитала такой жуткий триллер, что тем мрачным вечером даже не решилась выйти на улицу, чтобы пойти домой. Она провела бессонную ночь среди консервных банок и упаковок лапши и с тех пор поклялась себе читать на работе лишь медицинские романы, а литературную щекотку нервов оставить для уютной кровати.

Всё это я, конечно, знала от бабушки.

– Кто-нибудь хочет чаю? – предложила она. Пять рук под-

¹² Английская писательница и биограф, писавшая в жанре психологического триллера. Её самым известным романом является «Ребекка».

нялись в воздух.

– Я сделаю! – Довольная, что смогла избежать кровавых разговоров, я осторожно спустила Перси с колен и отправилась заваривать чай за витриной. Но и там я могла слышать каждое слово.

– Разве можно в это поверить? Рубиния Редклифф собственноручно отправляет себя на тот свет! – протараторила Софи, выдавая взглядом своё любопытство.

– Не сказать, чтобы я по ней очень скучала, – добавила Мередит. Она сняла очки без оправы и принялась немного нервно протирать стёкла краем летнего платья с рюшами. – Она всегда покупала себе книги онлайн, а не в моём магазине. Кроме того, она называла его пыльной развалюхой. Но такой трагической смерти из-за несчастного случая всё равно никому не пожелаешь.

– Если это действительно несчастный случай... – таинственно произнесла бабушка.

Некоторые из членов детективного клуба резко вдохнули воздух. На несколько секунд воцарилась тишина, только старые напольные часы продолжали тикать.

Лидия прервала молчание тихим шёпотом и робко спросила:

– Ты думаешь...

Свист чайника заглушил остаток предложения.

– Вот именно! Я считаю, Рубинию Редклифф убили, – подтвердила бабушка.

Я чуть не выронила все пять блюдец. И без того было сложно донести их до стола. Да, очевидно, стоило взять поднос.

– И почему ты так решила? – Калинда с интересом наклонилась вперёд.

– Это единственный логичный вывод, – заявила бабушка. – Во-первых, ещё сегодня Рубиния Редклифф сказала мне, что она покупает пироги, печенье и сконы *только* в «Маленьких сокровищах», потому что уверена, мы все блюда для аллергиков готовим отдельно от остальных. При той панике, которую у неё вызывали орехи, я не сомневаюсь, что она сказала правду, а не собиралась польстить нам. Рубиния Редклифф, упокой её Господь, была пронирливой подлой бестией. Это знаем мы все. О ней можно сказать много дурного. Но к своей аллергии она относилась серьёзно.

«Пронирливая подлая бестия! Какое точное определение», – подумала я и тут же устыдилась. Всё-таки её уже нет в живых. До пятницы я совсем не понимала, насколько гнусной она, очевидно, была, и сегодняшней день по-настоящему открыл мне глаза, но... смерть?

Я потрясла головой и достала телефон из кармана брюк. Чаю нужно дать завариться. Пора зайти в интернет.

Экран засветился. Нет сети. Вот чёрт! Но в чайной с её толстыми каменными стенами всегда плохо ловил интернет, а роутер в моей комнате не доставал до первого этажа.

– Это печенье, которое лежало там, в водорослях, она не

купила бы никогда в жизни! А если бы купила, никогда бы не решилась съесть его. Во-вторых, – уверенно продолжала бабушка, – не может не броситься в глаза, что она стала жертвой такого необычного несчастного случая именно в тот день, когда получила две смертельные угрозы.

– Но и не исключено! – заявила Мередит, подняв указательный палец.

Если бы я могла, я бы заткнула уши. Честное слово! Смерть и убийство. Это не для меня.

Будто не услышав Мередит, бабушка непоколебимо продолжала свою лекцию.

– В-третьих, – и этот пункт, возможно, самый важный из всех... Где её аптечка? Она носила её с собой в сумочке. Это я точно знаю, потому что она показывала её сегодня днём Эми, Эндрю и мне. Сумочка лежала на пляже. Наверное, в двух-трёх шагах от её тела. Всё её содержимое было рассыпано вокруг. Так, будто кто-то в дикой панике что-то искал, но не находил. Я предполагаю, что это могла быть сама Рубиния, искавшая аптечку при первых признаках аллергической реакции. И напрасно!

«Наверное, она её потеряла», – подумала я. Я постоянно теряю ключ от дома. Телефон я тоже уже однажды оставляла в школе, а уж он-то точно настолько же жизненно важен, как аптечка. Я люблю бабушку, и, наверное, нет никого, кто был бы умнее её. Но в этот момент в моей голове всплыла пословица. Она звучит примерно так: «Только оттого, что

я охотно ем ирландское рагу, не стоит думать, что я знаю, как оно приготовлено». Если немного переделать её под мою бабушку, то, вероятно, получится следующее: «Только оттого, что она охотно читает детективы и раскрывает маленькие преступления в Эшфорде, не стоит думать, что она понимает что-нибудь в полицейской работе!»

– И кое-что ещё... – Бабушка выдержала напряжённую паузу. – Кому-нибудь из вас бросилось в глаза, что сегодня носила Рубиния Редклифф?

Утвердительное бормотание. Как можно было не заметить эту драгоценность?

– Оно тоже пропало! – сообщила она. – Разве это не странно?

– Ну, это ведь может ничего не значить, Кларисса! – От этого замечания Калинды напряжение лопнуло, как воздушный шарик. – Прежде чем мыть моим клиентам волосы, я тоже всегда снимаю кольца. Тогда я засовываю их в карман брюк или кладу рядом с раковиной. Можешь себе представить, сколько раз я их там забывала? Наверное, Рубиния повела себя, как маленькая девочка, сняла кольцо, прежде чем помыть руки, и забыла его у раковины.

В ожидании одобрения Калинда обвела глазами присутствующих.

Чай был допит. Я немедленно принесла дамам горячий чайник, молоко и сахар – в этот раз я поступила умнее и взяла поднос, чтобы сразу отправиться на поиски сети в

сад «Маленьких сокровищ». Потому что находиться здесь я больше не могла.

По пути наружу я ещё успела услышать, как моя бабушка спрашивает:

– Что бы вы сказали об этом?

«Привет, Финн, как ты?» – вот так я взяла и написала ему, представляете?

Сказать честно? В этот момент я не думала, посчитает ли он моё сообщение странным. Ведь таким оно и было. Но смерть Рубинии Редклифф не давала мне мыслить здраво.

Из дома сквозь сумерки доносились приглушённые голоса членов литературного клуба, в то время как свет маяка Эндрю неспешно мигал над побережьем и морем.

– Мне кажется, это похоже на оторванный угол фотографии, – ответила бабушка на собственный вопрос за моей спиной. – Я нашла его в сумочке Рубинии. Застрjal в молнии бокового кармана.

– Ты можешь спокойно выбросить его! – взяла слово Лидия. – Кроме довольно неясного фона здесь ничего не видно.

Как лозоискатель я вытянула телефон далеко перед собой и пошла зигзагом между столами и скамейками. Когда я сделала небольшой поворот влево, у меня неожиданно появилась сеть. Я тут же зашла в WhatsApp и открыла диалог с Финном.

Финн в последний раз был онлайн в 13.23. Холодный собачий нос пихнул меня под колено. Так Перси напоминал

мне про ужин.

– Сейчас, Перси! – пробормотала я. – Я как раз отправляю сообщение Финну!

Как я уже говорила, Перси понимает меня, как никто другой на целом свете.

Покорившись судьбе, он свернулся рядом с моими ногами и принялся терпеливо ждать.

– Ну же, зайди в сеть! – прошептала я, умоляюще глядя на надпись «Был сегодня в...». Ничего не изменилось.

Будто желая помочь мне, луна выглянула из-за облаков. Та же луна, которую сейчас мог наблюдать Финн, если он смотрел из окна «Отдыха контрабандиста»... Возможно, – хотя очень вряд ли – он сейчас думал обо мне?

– Скажи ему, что ему надо зайти в сеть! – с надеждой прошептала я луне.

– Не знаю, Кларисса! – прервала Софи мой диалог с небесным светилом. – Убийство здесь у нас, в Эшфорд-он-Си? Это же просто смешно.

Неожиданно все заговорили разом. Между тем Дороти закричала сердито:

– Я думала, мы подруги. А теперь ты меня подозреваешь в том, что я сжила со свету эту каргу? Клянусь, я не имею к этому отношения!

– Но, Дороти, ты должна признать, что по поводу тебя могут быть подозрения! – осторожно сказала бабушка. – Согласна, многие знали, что для Рубинии ядовит даже простой

фундук. И тем не менее, ты при свидетелях угрожала отравить её. И именно это в какой-то мере и случилось.

Тем временем мы с Перси незамеченными подкрались к ажурному книжному шкафу, отделявшему каминный уголок, в котором горячо спорили члены «Эшфордского клуба преступлений и убийств», от большей посадочной зоны, за которой лежала терраса. Между «Сильным ядом» Дороти Л. Сэйерс и «Убийством в Восточном экспрессе» Агаты Кристи я увидела Дороти, воцарившуюся в кресле бабушки, а также Мередит и Лидию с двух сторон от неё. Как долго ещё они собирались нести эту чушь?

– Прости, Кларисса, но тут я должна возразить тебе, – вмешалась Мередит. – Я боюсь, в этот раз ты ошибаешься. Не обижайся. Мы живём в Эшфорд-он-Си, не в Чикаго. Объяснение сержанта Оакса в любом случае звучит реалистичнее, чем твоя теория об убийстве. То, что ты называешь смертельными угрозами, было сказано не всерьёз. Как часто говорят: «Я хотел бы убить его!», при этом никогда не воплощая это в жизнь?

Согласное бормотание. Судя по всему, бабушка с её теорией осталась в одиночестве. Бедная моя бабуля. Одна против всех.

– Каждый имеет право на своё мнение! – мудро возразила бабушка. Она решительно встала. – День был долгим и волнительным. Всем добрых снов, увидимся завтра на свежую голову!

На этом незапланированная встреча литературного клуба закончилась. А Финн так и не прочитал моё сообщение.

Глава 7

Я знаю, этого не стоит делать. Из-за излучения. Но я всё равно положила сотовый прямо рядом с подушкой. Чтобы не пропустить вибросигнал, если Финн всё же напишет.

До этого я обсуждала всё, совершенно всё с бабушкой. Честно! Каждую проблему. Я прекрасно помню, как вернулась домой в слезах, потому что Люси Вильямс снова посмеялась надо мной. Тогда бабушка отправила меня в постель с чаем и тремя ломтями бананового кекса, обняла меня, а ей всё рассказала, и мы вместе придумали решение. Не мо-

гу сказать, когда именно я прекратила делиться с бабушкой всем на свете. Думаю, с какого-то момента у меня просто появилось чувство, что определённые вещи в моей жизни она может и не понять. С тех пор я доверяю все свои тайны и проблемы только Перси. Иногда я жалею об этом, ведь бабушка совсем не глупая. Конечно, она замечает, что дело нечисто, но я просто не могу перешагнуть через себя. Даже если мне очень этого хочется, как сейчас. Мне точно стало бы лучше, если бы я поговорила с ней о Финне и о бабочках в моём животе. Но вместо того чтобы пойти к ней, я просто пялилась через чердачное окно в ночное небо надо мной. Мой милый верный Перси вытянулся рядом со мной в постели и послушно выслушивал мои жалобы, переживания и надежды относительно Финна, пока довольно быстро у него не стали слипаться глаза. О сне не было и речи, и чтобы не смотреть всё время на сотовый, как загипнотизированный кролик, я стала играть сама с собой в игру. Я медленно считала от пятидесяти до единицы. Досчитав, я разрешала себе посмотреть, не написал ли Финн. На всякий случай, если вибросигнал не сработал бы. Ведь такое случается. Если у меня получалось, то я считала до единицы три раза подряд и только потом смотрела на телефон. В текущем раунде я как раз дошла до двадцати пяти, но всё равно дотронулась до телефона, чтобы включить экран. Это я себе разрешила, потому что в этот раз речь шла не о Финне, а о времени. 23.47. И... никаких сообщений!

Что если я очень-очень ненадолго зайду в WhatsApp? Просто так. Просто чтобы посмотреть, не прочитал ли Финн мои сообщения.

Сквозь зажмуренные глаза я посмотрела на диалог с Финном. Ух ты! Две галочки! Две голубые галочки! Финн прочитал моё сообщение. Я широко раскрыла глаза. Когда? Рядом с картинкой его профиля – клавиатурой фортепьяно – стояло не время, а надпись «онлайн». Я подпрыгнула в кровати.

– Он онлайн, Перси! Он онлайн! – Я притянула пса к себе и поцеловала его между ушами. – Слышишь?

Перси недовольно заворчал и свернулся клубком, как кошка.

Слово «онлайн» пропало, а появилось... «печатает».

«Кто спрашивает?»

Улыбка расплылась по моему лицу.

«Я».

Я ударила себя ладонью по лбу. Как же это глупо. Я? Я быстро стёрла сообщение и напечатала вместо этого:

«Эми».

Ответ пришёл быстро.

«Какая Эми?»

О господи, значит, он знаком с несколькими Эми!

«Эми Ферн с уроков музыки».

Через мгновение пришёл ответ.

«А, Эми с рыжим псом».

– Перси, он знает, что ты мой! Понимаешь, что это зна-

чит? Он интересуется мной! – возликовала я и исполнила пару пируэтов в кровати.

Перси отвернулся со скучающим видом. Мои пальцы запорхали по экрану.

«Да. Именно. Перси. Ирландский терьер. Он немного похож на лису».

На этот раз ответа пришлось ждать так долго, что я забеспокоилась. Достаточно долго для осознания, от которого я бы охотно отказалась. Финн знал о существовании Перси не потому, что он так неистово интересовался мной, а потому что у него есть глаза, и он увидел фото в моём профиле. На этом фото Перси дружелюбно смотрит в камеру. Вот я дура! Как я хоть на секунду могла подумать, что кто-то вроде Финна потратит хоть минуту на такую серую мышь, как я. Прежде чем я окончательно погрузилась в депрессию, пришло следующее сообщение:

«Ты была сегодня в лабиринте? После перетягивания каната?»

Каждый раз, когда думаешь, что хуже быть уже не может, становится хуже. Моё сердце загрохотало. Беда! Он заметил меня за изгородью! Наверное, именно в тот момент, когда я с любопытством раздвинула ветки. Супернеловко!

– Эми! – упрекнула я себя. – Он же просто задал вопрос.

«С чего ты взял?»

Ответить вопросом на вопрос всегда было хорошей тактикой, это как минимум даёт время на размышление.

Ответ пришёл тут же.

«Я видел твою собаку».

Окей, он обнаружил в тисовой изгороди любопытный нос Перси. Повезло. Если речь только о Перси, то...

«Может быть. Перси сбежал от меня в лабиринт. Но он сразу же вернулся, когда я позвала его. Поэтому я определённо точно не была в лабиринте. Я имею в виду сегодня. Конечно, я ходила туда раньше. И часто. Но сегодня? Нет. Определённо нет. Об этом ты можешь не беспокоиться».

Я испытала такое облегчение, что мои пальцы замелькали, как молнии, над дисплеем, а моя голова не попевала за ними. Поэтому случилось следующее. Я как раз подумала о словах бабушки: «Кто оправдывается, тот и виноват». И о том, что я, конечно, не оправдывалась, но слишком много-словно отрицала, что ходила в лабиринт (и уже это звучало подозрительно), и о том, что мне не стоило отправлять сообщение так быстро... но было уже поздно. Я опустила голову. И осторожно взглянула на экран. Две синие галочки. Финн ещё не вышел из сети, но не писал. Может, он ничего не заподозрил? Ох! Надеюсь...

«Ха-ха. Окей. Хорошо. Да. Понятно. Тогда увидимся. Ф».

Тот же стиль, что и в моей писанине. На этот раз слишком много утверждений. Он не поверил ни единому слову! Я снова бросилась на подушку.

– Перси! – Я зажмурилась. Мне хотелось взвыть. – Я всё испортила! Я больше никогда не смогу посмотреть в глаза

Финну! Я перееду, и мне придётся сменить личность! Как я могла быть такой глупой?

Перси понимающе заворчал, подполз ко мне поближе и обнюхал моё ухо.

– Радуйся, что ты собака! Быть влюблённым так сложно!

Его ровное дыхание сообщило мне, что Перси совсем не переживал из-за этой проблемы и снова задремал.

Должно быть, в какой-то момент я тоже уснула. В любом случае резкий звонок телефона в коридоре вырвал меня из забытья.

– Кто звонит в такое время? – ругалась бабушка.

Сонно я постучала по экрану телефону. Час ночи!

– Кто бы то ни был... для вашей же пользы этот звонок должен быть жизненно важным! – зевнула бабушка в телефонную трубку.

Я прислушалась.

– Дороти?.. Ты хоть знаешь, который час?.. А теперь медленно! Успокойся, а потом расскажи по порядку, что случилось.

Я осторожно вынула руку из-под сопящего Перси и направилась по лестнице из мансарды, где я спала, в свою комнату.

– Ты снова заснула перед телевизором? – прокричала бабушка в трубку в тот момент, когда я сошла с последней ступеньки. – ...ты действительно уверена в этом? Ну ладно... Я приду и защищу тебя!

Телефон коротко пискнул, бабушка повесила трубку.

Качая головой, она посмотрела на меня.

– Представляешь, кажется, кто-то шастает по дому Рубинии Редклифф. И теперь Дороти боится, что убийца, в которого она вообще-то совсем не верит, может нанести визит и ей.

– Тогда ей стоит позвонить сержанту Оаксу! – крикнула я вслед бабушке, потому что она уже убежала в свою комнату переодеваться.

– Забудь о сержанте. Его не найти, да и я не уверена, сможет ли он действительно помочь, – фыркнула она презрительно, снова показавшись в коридоре в джинсах, блузке, кроссовках и летнем пальто. Она решительно вытащила клюшку из сумки для гольфа, которая уже много лет пылилась в нише рядом с перилами на верхней лестничной площадке. Угрожающе направив головку клюшки в воздух, бабушка обхватила рукоятку обеими руками.

– Не переживай, дорогая, если будет необходимо, я сумею себя защитить!

Она уже хотела спуститься по лестнице, но я схватила её за пальто.

– Да, конечно! И что мы будем с тобой делать?

Страх – забавная штука. Ещё сегодня вечером я ни секунды не верила в существование убийцы. Но сейчас, когда я знала, что в этот момент жуткая тень мелькала по тёмному дому Рубинии Редклифф, моё сердце стучало, как бешеное,

и моя фантазия бежала впереди меня.

– Я здесь ни за что не останусь одна! – решила я. – Перси и я идём с тобой.

Колокольчик на двери «Маленьких сокровищ» таинственно зазвенел, когда бабушка закрывала за нами чайную. Я поёжилась. При этом было совсем не холодно. Испуганно я ухватила бабушку под руку. Впервые мне не пришлось звать Перси за собой. Он инстинктивно почуял мой страх и не отходил от меня. В полной боевой готовности. Нос вытянут, уши подняты.

В бледном свете луны мы торопливо шли по пустынной улице.

Каждый шаг отзывался в моих ушах. Я снова и снова бросала неуверенный взгляд через плечо. Не промелькнула ли там тень? Мы обогнули слева тёмные витрины книжного магазинчика Мередит, свернув на Харбор-роуд, и пошли в гору. За нашими спинами дорога резко спускалась к Рыночной площади, а затем к порту. Из бухты поднимались жуткие клочья тумана. Ну, отлично! Только этого не хватало! Вся деревня, казалось, спит. Везде было темно и... убийственно тихо.

– Довольно мрачно! – прошептала бабушка и подняла плечи.

Я молча кивнула и прижалась к ней.

– Просто представь, что светит солнце. Это поможет! –

заявила она.

Не помогало!

Дряхлая газовая лампа по правой стороне улицы освещала деревянную табличку с надписью «Отдых контрабандиста». Под названием паба висело изображение моряка, похожего на пирата – с деревянной ногой, платком на голове, повязкой на глазу и абордажной саблей. При каждом дуновении ветра табличка покачивалась вперёд-назад, тихо поскрипывая. Паб тоже был погружён во тьму. Невольно я бросила взгляд на окна комнаты Финна на втором этаже. Темнота. Мы поспешили свернуть налево, на Айви-лейн, где нас уже ждали...

– Кларисса? Это ты? – прошипела Дороти. Она, должно быть, сидела где-то среди рододендронов в своём палисаднике. Из её коттеджа доносился приглушённый собачий лай. И конечно, Перси не мог не ответить на это коротким решительным «Гав!». Он сообщил, что он здесь и с этого момента берёт ответственность на себя.

– Да, мы в полном составе! – сообщила бабушка и положила клюшку для гольфа на плечо, как ружьё. Кажется, для неё всё это было большим развлечением. – Где сейчас злодей, укравший твой сон?

– Ну давай, смейся надо мной! – пропыхтела Дороти, с трудом перелезая через изгородь. – Ты ещё увидишь, что я права.

Решительным рывком она освободила свою ночную ру-

башку, застрявшую в изгороди.

– Убийцу же всегда снова тянет на место преступления! Не так ли, Кларисса? Это типично для них. Мы же так часто об этом читали.

– Тогда он должен быть сейчас в Бухте контрабандиста, а не здесь, Дороти! – рассмеялась бабушка, опираясь на клюшку для гольфа. И тут она, конечно, была права.

Сквозь маленькое окошко в решётке входной двери дома Рубинии пробивался слабый свет из коридора. В остальном фасад лежал в полной темноте. Что не скажешь о задней части коттеджа. Кто бы ни слонялся по дому Рубинии Редклифф, он, видимо, включил освещение в гостиной, музыкальной комнате и в помещениях, располагавшихся выше, потому что сад под домом был залит светом, как футбольный стадион.

– Посмотрим, что там происходит! – Бабушка энергично поманила нас за собой.

– Куда ты собралась? – прошептала я, хватая её за руку.

– Найти подходящее место для наблюдений, – прошептала она, будто это был самый логичный ответ на свете, и распахнула калитку в сад Дороти.

Чуть позже мы, хорошенько замаскировавшись, уселись в буйно разросшихся кустах, отделявших заднюю часть сада Дороти от владений Рубинии Редклифф. Собаки Дороти тем временем успокоились. В любом случае, лай затих.

Как я уже говорила, к этому моменту я не прочитала и

не посмотрела ни одного детектива, но то, что убийцы или взломщики так себя не ведут, понимала даже я. Во-первых, весь задний фасад здания действительно был освещён, как Хэрродс¹³ на Рождество, а во-вторых, ни о какой секретности и речи не шло. Сквозь окна гостиной, достигавшие пола, мы увидели мужчину, включившего музыкальный центр Рубинии Редклифф, и в следующую секунду на полной громкости Фрэнк Синатра запел свой знаменитый гимн Нью-Йорку.

Воодушевлённо пританцовывая, мужчина, который не выглядел ни маскирующимся, ни подозрительным, дошёл до кухонного стола, на котором всё ещё стояли тайские сувениры матери Рубинии. Отбивая степ на одном месте, он энергично распахнул холодильник и засунул голову внутрь, вынырнув чуть позже, светясь от радости и с бутылкой шампанского в руке. Затем он пустился на поиски бокала. Найдя его, наконец, в одном из множества шкафов, он поставил его перед собой на стол, вынул пробку из бутылки и наполнил бокал до краёв. С коварной улыбкой он чокнулся с кем-то невидимым и выпил шампанское одним большим глотком. После чего элегантно поклонился и закружился в игривом танце с невидимой партнёршей. Словом, этот тип явно что-то праздновал!

Я ожидала чего угодно. Взломщика в маске, одетого в чёрное, с пистолетом в одной руке, с фонариком – в другой, сну-

¹³ «Harrods» («Хэрродс») – знаменитый лондонский универмаг. Он считается одним из самых больших и модных универмагов мира.

ющего по дому в поиске чего-то, не знаю чего... но такого – точно нет. Я уже хотела, было, выдохнуть с облегчением, как Перси рядом со мной начал тихо ворчать. Я вздрогнула. Перси смотрел в темноту. Все мускулы напряжены. Готов к нападению.

– Что такое, Перси? – прошептала я и посмотрела в ту же сторону, но при всём желании не смогла различить ничего подозрительного среди цветков, листьев и веток.

– Что он учуял? – прошептала Дороти с тревогой и судорожно схватилась за воротник своего халата.

– Ничего, – успокоила бабушка, не отводя взгляда от незнакомца в доме Рубинии. – Наверное, тут просто бродит кошка. Перси не выносит кошек. И крыс тоже.

Я услышала треск. Как от ветки, ломающейся под ногой. Потом всё снова стихло. За исключением музыки.

– Не очень-то почтительно, – заключила бабушка, качая головой.

Неожиданно Дороти вцепилась своими костлявыми пальцами в моё плечо.

– Ай!

– Ой, прости!.. Но это... это... Кларисса... это мужчина, о котором я тебе рассказывала. Про ночь четверга. Парень, с которым Рубиния так ужасно повздорила!.. О господи, я видела её убийцу! А теперь он вернулся, чтобы заставить меня замолчать! – запричитала Дороти.

– Ах, Дороти, и поэтому он танцует по дому Рубинии?

Ты сама должна признать, что это было бы очень необычно. Знаешь что, мы просто спросим его, что он там делает.

Не ожидая ответа, бабушка снова положила клюшку для гольфа на плечо и пустилась в обратный путь. Перси радостно прыгал перед ней, а Дороти, задыхаясь, с потрясённым видом бежала рядом со мной.

– Она что, серьёзно? – спросила она дрожащим голосом.

– Боюсь, что да!

Бедная Дороти. Она действительно была душкой, но такой наивной.

– Не волнуйся, Дороти. Ни один убийца в мире не стал бы вести себя так вызывающе! Это точно!

– Ты не права, Эми! Так стал бы себя вести очень хитрый убийца.

Глава 8

Бабушка могла звонить в дверь целую вечность или стучать по ней колотушкой, и мужчина в гостиной ничего не услышал бы. Музыка была слишком громкой. Но мистер Синатра сделал короткую паузу между двумя песнями, чтобы набрать воздуха в лёгкие, и мы, наконец, услышали шаги.

– О, пожалуйста, простите. Музыка... конечно!

Мужчина, стоящий в открытом дверном проёме, однозначно был американцем. Он говорил с характерным акцентом. Вместе с его словами до нас донёлся запах шампанского. Я не особенно хорошо умею определять возраст взрослого человека. Поэтому лучше просто сообщу то, что он рассказал нам позже. Ему было пятьдесят девять. Короче, древний. Тем не менее, выглядел он довольно хорошо. Метр девяно-

сто на вид, накачанный, загорелый, широкоплечий. С лёгкой сединой на висках в тёмно-каштановых волосах.

– Меня зовут Кларисса Ферн. Я содержу чайную «Маленькие сокровища». Это Дороти Пакс, она живёт в доме по соседству, а юная леди – моя двоюродная внучка Эми, – представила нас бабушка. – Позвольте спросить, кто вы, как вы попали в дом Рубинии Редклифф и что вам здесь надо?

Её взгляд испытующе прошёлся по собеседнику вверх и вниз, пока не остановился на золотой цепочке с золотой же монетой, болтавшейся на груди под расстёгнутой рубашкой.

– Дункан Харди, актёр, плейбой, путешественник и... вдовец несчастной Рубинии Редклифф, – ответил мужчина, широко улыбаясь, будто в рекламе зубной пасты. – А зашёл я с помощью этого... – Он выудил связку ключей из кармана брюк и потряс ею, так что она забренчала, как у нашего школьного коменданта. – С помощью ключа старой доброй Рубинии. Ваш толстый сержант выдал его мне, после того, как я объяснил, кто перед ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.